

18+

Михаил Хуснулин

Валиант

Михаил Хуснулин

Валиант

<https://litres.ru/74147932>

ISBN 9785006995963

Аннотация

1980 год. Для 16-летнего Максима Кузнецова жизнь течет размеренно и предсказуемо, пока его отца, главного инженера, не назначают ответственным за испытательный рейс «Валианта» — гигантского советского лайнера, гордости инженерной мысли. Волею случая вся семья Максима оказывается на борту корабля.

С первых дней плавания юношу начинают преследовать тревожные сны, а реальность преподносит встречи, которые вскоре перерастут в тугий узел страстей и конфликтов.

Однако настоящее испытание ещё впереди.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	40
ГЛАВА 5	54
ГЛАВА 6	58
ГЛАВА 7	67
ГЛАВА 8	76
ГЛАВА 9	89
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Валиант

Михаил Хуснулин

© Михаил Хуснулин, 2026

ISBN 978-5-0069-9596-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Максим бежал, бежал так, что спотыкался об собственные ноги, бежал от слышимой и видимой опасности, не зная от чего хуже умереть: тёмная тень не давала ему передохнуть ни секунды, догоняя его в бесчисленных тускло освещённых коридорах; рёв стихии же где-то вдалеке вызывал чувство безысходности. Тогда хотелось сжаться в комок и начать отрицать действительность, но это не помогло бы найти выход.

Очередная лестница, очередной коридор, очередная дверь, и перед ним предстало не совсем просторное помещение. Столы, скатившиеся к стенам, и разбитая посуда заставили сердце стучать ещё быстрее. Такую картину он видел впервые, но, как казалось, запомнил на долгие годы. В этот момент свет потух окончательно. Юноше ничего не оставалось делать, кроме как бежать дальше, но тот силуэт уже стоял прямо за ним — высокая тень, слегка склонившая голову набок, медленно подходила то ли уверенными, то ли пугливыми шагами. Как только они пересеклись взглядами стало ясно, что это конец...

Но вдруг тень начала таять от света, проникавшего сквозь окна, и, издав последнюю угрозу, исчезла, а пейзаж стал меняться на более знакомый: потолок, шторы, обои... Максим с ужасом опустил ноги на пол, всё ещё тревожно дыша. Тело было ватным. Он подошел к окну, скорее, чтобы убедиться:

кошмар кончился, а мир реален. За окном солнце медленно пробивалось сквозь туман, освещая воды залива. Рыбаки уже готовили суда. Обычное, живое утро. Максим вцепился в подоконник, наблюдая за этой спокойной картиной, и только спустя минуту дыхание начало выравниваться, а картина улучшаться.

Максим впервые за долгое время с удовлетворением глядел на это: яркие краски контрастировали со сном, который хотелось поскорей забыть.

Но нужно было как-то избавиться от мыслей в голове, а потому Максим решил сделать зарядку, как и во все предыдущие дни. Отжимания... Приседания... Гантели... И стоит отметить, что телом этот атлет был не так уж и плох: в меру подтянут, не полон и высок. Он не был ни футболистом, ни пловцом, ни хоккеистом, ни баскетболистом, ни бегуном — он просто любил своё здоровье.

Сделав зарядку, он направился в ванную комнату. Взглянув в зеркало, он с неким недовольством попытался пригладить смятые за ночь светло-русые волосы, которые как назло не поддавались, ибо успели слипнуться за ночь.

Умыв лицо, он вновь посмотрел в зеркало. С недовольством посмотрев на свои глаза, которые имели что-то среднее между зелёным и карим цветом, а затем снова на волосы, он решил, что всё же лучше будет помыться. Мыло... Мочалка... Полотенце...

Сон ушёл, а вместо него пришли чувство свежести и но-

вые мысли. Максим посмотрел на часы, уже заведомо зная время. «Пять с половиной,» — произнес он и пошёл на кухню. Раньше его готовка была довольно шумной, но со временем открывание шкафов в поисках посуды и грохот кастрюль сошли на нет. Его завтраки очень часто повторялись, а потому процесс готовки шёл по одному и тому же сценарию.

И вот, как всегда, он поставил чугунную сковороду на газовую плиту, и вскоре она равномерно нагрелась. Максим ловко разбил яйца, и белки с желтками плавно вытекли на сковороду, мгновенно образовав золотистую корочку. Яичница шипела и пузырилась, а аромат свежеприготовленного завтрака начал заполнять комнату.

Тем временем он взял кусок ржаного хлеба и намазал его тонким слоем масла. На масло он положил тонко нарезанные ломтики колбасы, которые пахли так аппетитно, что от одного вида на них начинала выделяться слюна.

Пока яичница доходила до готовности, Максим занялся чаем. Он взял чайник, который уже кипел, и заварил крепкий черный чай. Чайные листья медленно раскрывались в кипятке, отдавая всю полноту своего аромата. Максим налил горячий чай в большую кружку, и пар поднялся вверх, образовав завораживающие узоры.

Позавтракав, юноша подумал, что пора бы разнообразить рацион. Также он думал и в прошлый день, и в позапрошлый, и за неделю до этого, но привычки взяли своё.

Максим направился в комнату, но по пути заметил кален-

дарь, мимо которого не мог пройти. Движение руки, и страница оборвалась, а на её месте красовалась новая.

1980 год

23 июня

понедельник

Максим медленно ступил в комнату, ощущая приятную тяжесть в животе после утреннего приема пищи. Полумрак ещё царствовал в пространстве, а прохладный утренний воздух ласкал кожу.

Максим оглядел свое маленькое царство: старый деревянный стол, заставленный книгами, моделями кораблей и чертежами, которые он любил разглядывать, мечтая о будущих проектах, табурет, явно «одолженный» с кухни, и кружка с недопитым вчерашним чаем. Он подошёл к окну и отодвинул занавески, позволяя первым лучам солнца осветить комнату. Улица уже начала оживать: ранние птички запели свои утренние песни, а далекие звуки порта напомнили Максиму о работе его отца.

После он сел за стол, открыл тетрадь и начал делать заметки для своего следующего проекта, вдохновленный появившимся утренним настроением, ведь обычно на его месте были тоска и пессимизм, чувство неопределенности и стыда. Он мог обидеть человека, но не со зла; он мог перестать учиться, но не от лени; он мог плыть по течению, но не от безысходности; он просто мог. И то, что Максим мог

делать менялось изо дня в день. Единственное, что не менялось — это его привычки, например, грызть карандаш и что-то бубнить себе под нос, когда он думал.

Когда часы показали ровно 6 утра, радио, которое забыли выключить вечером, внезапно ожило. Из динамиков начала литься мелодия. Максим подошёл и убавил звук, чтоб никого не разбудить. И вот через время зазвучал знакомый до глубины души мотив о нерушимом Союзе республик свободных.

Максим отложил карандаш и прислушался. Музыка наполнила комнату, и он не мог не поддаться ее воздействию. В этот момент времени, когда гимн звучал в каждом доме, каждой улице, каждом городе, в голове возникало чувство общности, ощущение чего-то большего и великого.

После окончания он глубоко вздохнул и вернулся к своему столу.

В дверях показался Виктор Викторович.

Кузнецову исполнилось сорок. Короткая стрижка, аккуратные усы, картуз в руке. Одет он был в белую рубашку, пиджак, галстук и брюки — словно лето еще не началось, хотя на дворе был июнь. Такая не по сезону форма одежды объяснялась его редким консерватизмом и профессиональной гордыней. В вопросах инженерии Кузнецов считал себя и своих коллег едва ли не вершиной мира.

— Доброе утро.

— Доброе, — буркнул Максим, нехотя поднимая голову.

— Уже не спишь?

— Как обычно, — протянул он, зевая.

— Вот заняться тебе нечем, а мне на работу вставай. Всё бы отдал, чтоб ещё поспать.

— Так тебе же нравится твоя работа.

— Ага — с сарказмом сказал Виктор. — Но не последнюю неделю. Всё осмотреть, везде проследить. Вот мы! Мы! — мужчина акцентировал внимание на последних словах, — Мы, «инженера»!

— Как?

— Да никак! Первый рейс на этой посудине... — почесал усы, — на этом чуде техники, и следить, чтобы ничего там не развалилось.

— А ты чего ожидал?

— Чего ожидал? — Виктор махнул рукой. — Побольше бы получку!

— Не в деньгах ведь счастье — они приходят и уходят.

— И то верно. Ладно, я пошёл. Ты сегодня чем займёшься?

— Не знаю, наверное, загуляю.

— Ну, это тоже неплохо.

Виктор вышел, а Максим отправился во двор.

День пролетел незаметно...

Когда часы показали 18:00, Максим вышел из магазина, ощущая, как прохладный вечерний воздух приятно обволакивал его после дневной жары. Солнце склонялось к закату,

и небо играло всеми оттенками оранжевого и розового.

Поднявшись по лестнице, Максим повернул ручку двери и вошёл в квартиру. Сразу же к нему подошла его мать.

Это была женщина сильного духа и доброго сердца. Её звали Мария. Тогда она работала учительницей в начальной школе и всегда находила время, чтобы помочь своим детям с домашними заданиями и жизненными уроками. Мария обладала необыкновенной способностью объяснять сложные вещи простым языком, что делало её любимым учителем среди учеников.

Взяв пакеты в руки, она поблагодарила Максима и ушла на кухню, откуда через время послышался стук ножа. Юноша пошёл в свою комнату, где сразу же улёгся на диван.

Мысли про утренний кошмар не отпускали его, отчего становилось как-то холодно. В голове крутилась куча вопросов: что это, где это, кто это, что значит этот сон. Неприятные ощущения стали окутывать тело, словно змея, душащая жертву. Он закрыл глаза, чтобы вспомнить всё, что произошло в этом сне.

Тень, настигающая его, не давала даже намёка на спасение. Она преследовала его в каком-то коридоре, который находился непонятно где. Что же это могло значить?

— Максим, подойди!

— Зачем?

— Зачем, зачем? Помощь твоя нужна!

— А без меня не обойтись никак?

— Нет!

— Хорошо. (Да как же мне это всё уже надоело!) — Но вслух он произнёс только согласие.

Максим резко вскочил с дивана, сердце всё ещё отбивало тревожный ритм после недавних событий. Он отчаянно пытался стряхнуть с себя липкий страх, словно назойливую тень. Но в тот же миг мир померк перед глазами, будто земля ушла из-под ног. Всё вокруг расплылось, и равновесие было потеряно.

Секунды растянулись в вечность, пока ноги не подкосились окончательно, и он снова рухнул на мягкую обивку. Осев обратно, Максим пытался отдышаться и собрать разбежавшиеся мысли.

Он зажмурился, пытаясь сосредоточиться, и почувствовал, как холодный пот проступил на лбу. Глубокий вдох — и он медленно возвращался к себе, к ясности и уверенности.

— Максим, ты где? Слышишь меня?

— Да, мам, иду.

— Что-то ты засиделся.

Максим вошёл на кухню и, не говоря ни слова, взял нож. Мать уже раскладывала овощи на доске.

— Нарезь морковь, тонко, как я люблю.

Он кивнул и принялся за работу. Мать стояла рядом, помешивая что-то в кастрюле, и вдруг, не оборачиваясь, произнесла:

— Ты сегодня тихий. Всё нормально?

— Нормально.

— Может, расскажешь? Вижу же, что-то не так.

Максим замер с ножом. Внутри что-то сжалось — раздражение.

— Я сказал: нормально, — голос сорвался резче, чем он хотел. — Что за допрос?

Мать вздрогнула и замолчала. Тишина повисла, тяжёлая, неловкая. Максим продолжал резать морковь, но руки дрожали. Он хотел извиниться — слова уже были наготове, — но горло будто сжалось. Не мог.

19:00

Максим неспешно вышел из комнаты. На кухне царила предпраздничная суэта: мать порхала между кухней и залом, расставляя угощения, а отец, погруженный в газету, устроился в кресле. Он наблюдал за матерью: как всегда, особенно перед важными событиями, она была в вихре дел: то проверит, как томится мясо в духовке, то подправит сервировку на столе. Отец же предпочитал сохранять спокойствие и уединение, ожидая начала торжества.

В проходе появился виновник торжества.

Молодого парня, которому только исполнилось восемнадцать, звали Иван. Несмотря на юный возраст, он уже излучал зрелость и ответственность, присущие старшему брату. К этому моменту Иван успел закончить первый курс морского военного училища, где, к тому же, попал в военный оркестр.

Максим подошел к брату, который все еще стоял в коридоре.

— Привет, с днем рождения тебя!

— Привет. А почему ты утром не поздравил?

— Я... забыл. Да и разговор наш отвлек, а днем тебя дома не было. Почему?

— Максим, а что тебе даст эта информация?

— ...

— Вот именно. Ладно, спасибо за поздравление. — Иван отвел взгляд в сторону.

«Странно,» — подумал Максим, но не стал развивать эту мысль, ведь настало время садиться за стол.

На столе возвышались оливье, обильно заправленный майонезом, маринованные овощи, блестящие на свету, пироги с румяной корочкой, медовик, обжигающий домашний квас, а позже Мария принесла пельмени и блины.

Наконец все сели за стол. Первым тост поднял Виктор.

— Желаю, чтоб годы твои были наполнены радостью и благополучием, а тянулись так медленно, чтоб жизнь твоя была длинной и интересной. Пусть каждый день приносит тебе счастье. За именинника!

Так каждый пожелал свои поздравления, и вскоре вечер наполнился радостью. Иван играл на гитаре, а остальные подпевали. Все ели, веселились, а потом снова ели и пели. Вечер прошёл незаметно, и, наконец, после торта все сели играть в любимую игру семьи.

— Шулер ты, вот и всё.

— Да почему сразу шулер?

— А тогда объясни, Максим, как к концу игры у тебя собрались валет, дама, король, туз. Да и все козырные.

— Не психуй! — Прикрикнула Мария Васильевна

— Да не психую я, не психую.

— С этой работой все нервы себе да убьёшь, а они не восстанавливаются.

— Нормально всё. — Пауза. — Это просто неделя будет тяжелая.

— У тебя и та неделя была тяжелой. Что же вы там делаете?

— Готовим «Валиант» к отправлению.

— Ты с ним просто рехнёшься.

— Ой, да что ты говоришь, тебе на нём и плыть через неделю.

— Как через неделю? — заявили все, кроме Максима, который вместе с Виктором смотрели на них озадаченно.

— Неужели через неделю уже 30 число? — спросила Анна.

Анна — младшая дочь в семье, излучавшая жизнерадостность и энергию, которые освежали каждый день их семейной жизни. Её весёлый смех и неугомонный энтузиазм заражали всех вокруг позитивом.

— Да, Аня, уже через неделю. Календарь для чего висит?

— Я на него никогда не обращаю внимания.

— Плохо, что не обращаешь. Время — очень ценная вещь, знаешь ли. И, если за ним не следить, то...

— Скучно! — Вмешался Иван со слабой улыбкой на лице.

— Что? — С недовольством сказал Виктор Викторович.

— Зачем говорить то, что и так понятно?

— Я вам про одно говорю, ты мне — про другое.

— Да причем здесь это?

— При том. Вот ужас, что вы такие нетерпеливые?

— Кто мы?

— Поколение ваше.

— Такие же, какие и вы были.

— Мы такими не были.

— Пап, ты знаешь, ещё Сократ говорил, что...

— Максим, причем тут Сократ вообще?

Максим решил промолчать.

— Вот и оно.

Несмотря на удивление, все быстро забыли про Валиант и продолжили спорить, играя в карты.

— А вот тебе шестерка.

— Бью девяткой.

— Девяткой? — произнёс Максим с улыбкой.

— Девять, девять и вот ещё девять.

— Да правда, что ли? — спросил Виктор.

— Правда.

— Уверен?

— Уверен.

— Ну тогда король, король, король.

Партия за партией...

— Ну что, мам, как думаешь, что у меня?

— Либо у тебя дама червей, и Иван становится дураком, либо у тебя валет крестовый, и душой становлюсь я.

— У Ани червивая дама, мам, а я — Иванушка-дурачок.

— Правильно мыслишь! — ехидно проговорила Анна.

Ночь медленно накрывала город тьмой, окутывая каждую улицу и каждый дом. На этом фоне выделялись белые чайки, летящие над морем. И летели они так легко и беспрепятственно, как летит время, обещая с собой новый день и новые «подарки судьбы».

А меж тем Кузнецовы уже разошлись по кроватям, и в уже в эту ночь кошмар не преследовал Максима.

ГЛАВА 2

1980 год

24 июня

вторник

Утренний и вечерний часы пик ознаменовались потоками автомобилей марок «Жигули», «Москвич» и «Волга», которые медленно продвигались по улицам. Автобусы и троллейбусы были переполнены, и люди стояли в них вплотную, едва находя место для руки, чтобы ухватиться за поручень.

Пешеходы спешили по своим делам, утопая в мыслях о повседневных заботах. Мужчины часто были одеты в строгие костюмы, а женщины — в платья и юбки с яркими узорами. На улицах можно было увидеть детей, играющих в классики или футбол, используя в качестве ворот два камня.

Было много рабочих, занятых ремонтом дорог или строительством новых зданий. Их одежда и защитные каски являлись частью городского пейзажа.

Парки и скверы служили местом отдыха для многих горожан. Люди гуляли, кормили голубей или просто сидели на лавочках, наслаждаясь моментом покоя.

Кинотеатры показывали популярные советские фильмы, а перед входом в них всегда собиралась толпа в ожидании следующего сеанса. Библиотеки были полны посетителей, искавших новые книги или место для уединённого чтения.

Именно такой образ был в голове у Максима, каждый день он видел одно и то же, что сильно ему наскучило. Но тем не менее, этот день прошёл спокойно и естественно: Максим просидел дома, иногда играя на гитаре с Иваном, иногда помогая Анне, чистил картошку, убирал комнату и не имел желание выходить на улицу.

Всё это время домочадцы вели себя тихо, ведь Виктор по непонятной причине спал, хотя обычно в это время он работал. Когда Мария Васильевна пыталась его разбудить, он что-то говорил себе под нос и отворачивался, она же списывала всё на похмелье.

Но наступил вечер: светлые краски сменились темными, а город притих.

И вот, выйдя из комнаты, Максим увидел своего отца, спешно собирающегося куда-то.

— Ты куда это собрался?

— На работу, — почесал усы. — А что?

— Какая работа? В 11 вечера?

— Ночная, — сухо ответил Виктор Викторович.

— Ну... странно это...

— Ничего странного. Вот завтра всё и увидишь, — он убрал пачку беломора в карман. — Всё я пошёл.

И отец ушёл, лишь слегка хлопнув дверью.

— Я не поняла! — Мария Васильевна вышла в подъезд и крикнула. — Витя!!! — ответом ей была тишина, — куда это он пошёл?

— Я сам не понял, — говорил Максим, будто на автомате, ведь в голове уже прокручивал самые различные варианты того, куда мог направиться отец.

— Иди спи.

Максим ничего не ответил и с недовольным лицом ушёл в комнату.

Среда.

Тот же утренний пейзаж, те же краски, что и во вторник, что и в понедельник, но что-то в нём было не так, и Максим не понял, отчего появлялось это чувство.

Зарядка... Умывание... Яичница... Бутерброды... Чай... Календарь...

1980 год 25 июня среда

Внезапно, словно ветер, в проёме появился отец. Он потирал руки, его глаза искрились то ли от радости, то ли от предвкушения, а на губах заиграла еле сдерживаемая улыбка.

Виктор Викторович спешно подбежал к окну, схватив Максима за руку.

— Видел? Видел?! — с воодушевлением начал он.

— Что? Что видел? — Максим стал хаотично осматривать вид города.

— Ищи. Надо найти что-то.

— Не смешно, — Максим посмотрел на отца с недовольным взглядом, не замечая выбивающейся детали в пейзаже.

Наконец Виктор Викторович прямо ткнул пальцем в нуж-

ную сторону — Максим взгляделся: белоснежный гигант возвышался в бухте.

— Это... Это он? — Максим всё ещё не верил.

— Как видишь. Он. Настоящий. — Даже Виктору было тяжело говорить.

— Да ладно!

— Тихо, все спят ещё.

Максим ойкнул, но после продолжил смотреть в окно.

— Угу.

— Я просто... У меня шок. А где он до этого был?

— Секрет.

— Ну, пап.

— Гос. тайна.

— Не поверю.

— Всё равно. Секрет. А теперь собирайся, мне понадобится твоя помощь.

— Хо... Хорошо.

Порт начал свою работу ещё в темноте, когда рыболовецкие суда готовились к выходу в море, а рабочие занимались погрузкой и разгрузкой товаров. Звуки сигналов сливались с шумом волн, которые на удивление были довольно спокойны.

С приходом утра улицы медленно наполнялись жизнью. Автобусы и троллейбусы начинали свои первые рейсы, перевозя работников. Люди спешили по своим делам, оставляя за собой облака дыхания и табака в ещё холодном воздухе.

Сопки, окружающие город, постепенно просыпались под утренними лучами солнца. Пение птиц и шелест листвы создавали ощущение свежести и нового начала.

Лайнер длиной в 310 метров гордо стоял у главного порта. Он занимал собой почти всё, что можно было охватить взглядом. Казалось, что прочие суда потеснились, уступая ему место. Его белоснежный корпус сверкал от восходящего солнца, которое едва освещало 12 палуб этого корабля. В раннем свете он казался не совсем реальным, слишком идеальным.

Три трубы, по высоте напоминавшие дом в четыре этажа, показывали всё его величие. Они ещё не дымили, однако уже заслоняли собой часть неба. На каждой из них зияли серп и молот, выложенные краской так густо, что знаки проступали даже в тени, а на корпусе чётко читалась надпись: «К новым мировым рекордам.»

Дополняли картину огромные прогулочные палубы, широкие окна и иллюминаторы, балконы и лоджии. Большое количество шлюпок внушало безопасность — их ряды висели вдоль верхней палубы.

«Одним словом, Фёдор Шаляпин, только больше, гораздо больше, современнее, надёжнее и сделан в СССР,» — говорил о нём Виктор Викторович, когда рассказывал своей семье, а в голосе его звучала гордость.

Но такое сравнение было неверным, так как «Валиант» походил скорее на смесь корабля «СС Франц» и лайнера

класса «Олимпик», однако вряд ли члены семьи, как и прочие граждане, слышали о них.

Около корабля уже бродили рабочие, в том числе и инженеры.

— Ну зачем ты взял меня на этот корабль? — спросил Максим, подкидывая копеечную монетку, пытаясь поймать решку.

— Так ты ж сам хотел.

— Я? — Максим задумался. — Это когда такое было?

— Не отнекивайся. Точно было.

— Может, лучше уже скажешь, что от меня нужно?

— Просто помогать мне, передавать информацию другим, иногда записывать то, что я говорю. И ещё важно — сделал паузу Виктор.

— Что?

— Тебе надо научиться ориентироваться внутри это посудыны, — Виктор Викторович развёл руками перед «Валиантом», — ведь иногда мне может потребоваться твоя помощь.

— Какая ещё помощь?

— Передача отчётов, например. Я думаю, 2 дня это будет, а потом и без тебя справлюсь.

— А я что?

— А ты лоботрясничай, как обычно это и делаешь.

Максим ничего не ответил, лишь посмотрел максимально холодно.

— Взгляд попроще, пожалуйста.

Максиму ничего не оставалось делать, кроме как согласиться. Виктор Викторович решил показать ему основные помещения «Валианта», а потому они направились на трап и вошли в фойе.

Высокие потолки были украшены роскошными люстрами, создающими тёплый световой акцент. Мраморные полы с геометрическими узорами отражали блеск и великолепие, а массивные колонны добавляли пространству стабильности и мощи.

Стены фойе были украшены барельефами и мозаиками, изображающими морские пейзажи и сцены из жизни советских граждан. Картины художников и скульптуры придавали пространству особую атмосферу.

Мягкие диваны и кресла, расставленные по всему фойе, предлагали пассажирам место для отдыха и наблюдения за суетой вокруг. Столики с лампами создавали уютные уголки для бесед, заметок или чтения.

— Это ф... Ф! Фо... — пытался сказать Виктор Викторович

— Фойе?

— Да. Фойе! Из него с помощью лестницы и коридоров можно попасть практически в любую часть корабля. Лучше всего ходить через него.

— Понял.

— А ещё видишь вон. Доски на стенах висят?

— Вижу.

— Там схемы помещений, а также потом будет стоять персонал.

— Ты думаешь, я заблужусь?

— Кто тебя знает.

Поднявшись на 1 палубу вверх, они зашли в зал, оформленный в теплых тонах с золотистыми акцентами, которые придавали пространству ощущение даже какой-то роскоши и благополучия. Белоснежные скатерти на столах и тяжелые бархатные занавеси на окнах создавали уют и изысканность. В центре зала возвышался большой камин, визуально добавлявший тепла.

Меню ресторана включало в себя широкий выбор блюд, приготовленных по ГОСТу. Особое внимание уделялось свежим морепродуктам и сезонным ингредиентам. Повара «Валианта» были настоящими мастерами своего дела, способными удовлетворить вкусы любых пассажиров.

Персонал ресторана отличался высоким уровнем профессионализма и внимания к деталям. Здесь не хамили, а слушали и потакали. Официанты в элегантной форме обеспечивали безупречное обслуживание, поддерживая при этом дружелюбную и гостеприимную атмосферу.

Вечерами в ресторанном зале звучала живая музыка: от классических мелодий до современных аранжировок популярных песен.

— Что я могу тебе сказать. Это ресторан. Что мне в нем нравится? Еда. Что мне в нём не нравится? Так это цены,

здесь можно отобедать рублей на 10, а то и больше.

— Солидно. Но, по-моему, чересчур изысканно.

— Сойдёт. Пойдём дальше.

Затем они обошли развлекательные клубы, вот некоторые из них:

Клуб «Космос» Вдохновлённый космической гонкой и достижениями СССР в освоении космоса, этот клуб был украшен моделями спутников и ракет. Здесь звучала музыка группы «Земляне» и других исполнителей того времени, а стены были украшены плакатами с космической тематикой.

Литературное кафе «Аврора» То место существовало для интеллектуальных встреч и дискуссий, где можно было почитать произведения советских писателей и поэтов. Интерьер в стиле советского модернизма, а на полках — широкий выбор литературы.

— С этой «библиотекой» история такая забавная связана.

— Какая?

— Видишь, вон там стоит модель линкора «Аврора».

— Так она же крейсер, вроде как

— А говорил, что в кораблях не разбираешься.

— Так я это из истории знаю.

— Не так важно. Казалось бы, литературное кафе. При чем здесь военный корабль? А нет. Это же вроде богиня какая-то, которую любили использовать поэты.

— Да. Вроде того.

— Но ты сам посуди. Какая ещё богиня? Звучит, конеч-

но, красиво, но лучше уж назвать это в честь символа революции.

Максим отвернулся к окну и стал слегка смеяться, но так, чтобы этого не увидел отец.

Танцевальный зал «Ритм» Сохраняя традиции советских танцевальных залов, «Ритм» предлагал музыку и танцы того времени. Здесь проводились вечера танцев под музыку ВИА «Поющие гитары» и «Самоцветы».

Кинотеатр «Октябрь» Показывал советские кинохиты 70-х. Атмосфера кинотеатра передавала дух того времени с помощью старинных проекторов и плакатов.

Чайный дом «Сибирь» Украшенный в русском стиле с элементами деревянной резьбы, «Сибирь» предлагал широкий ассортимент чаев и традиционных русских закусок. Место для спокойного отдыха и наслаждения чаем в кругу друзей.

Так постепенно обходя оранжереи и кафе, коридоры и лестницы, они спустились в днище корабля.

— Ой, Викторович, здорова!

— Здравей видали.

— Какими судьбами здесь, у нас?

— Работников дна проведать.

— Дна? Таких у нас нет.

— Как нет?

— Вот так. Все — на вершине.

— А если серьёзно?

— Они вчера пахали.

— Так, есть же хоть кто-то?

— Тех, кто тебе нужен, — нет.

— Жаль, очень жаль.

Виктор Викторович и Максим отправились на прогулочную палубу. Разговаривая о корабле, они дошли до капитанского мостика.

— Так, подожди. Я по делам схожу.

— Хорошо.

Максим облокотился на ограждение и стал рассматривать город. Неожиданно раздался голос.

— Прошу прощения.

Источником голоса был молодой, но удивительно выразительный мужчина ростом выше среднего, обладавший спортивным телосложением, с темными, почти черными волосами, которые были немного длиннее, чем это принято у моряков, и ярко-голубыми глазами, сверкавшими амбициями.

— Здравия желаю, товарищ э...

— Старший матрос, но пустых формальностей не нужно. Григорий Александрович, если тебе интересно.

— Максим Викторович, — протянул руку.

— Будем знакомы. Я так понял, что ты Кузнецов—младший?

— Да, как узнал?

— Быстро же мы перешли на «ты», — Григорий замялся.

— Вы с ним просто очень похожи.

— Так многие говорят. А ты похож на своего отца?

Григорий напрягся, но виду старался не подавать.

— Да. Определённо.

В ходе разговора Максим стал подмечать детали его поведения. Он был открыт, вежлив, добр и уверен. Волков явно блистал умом. Они обсуждали корабль, обыденность. Максим узнал подробности его службы: ему 19, он старший матрос, любил дальние плавания и заслуживал уважения за свои поступки, правда, сами поступки Максим в голове не отложил.

— Если захочешь ещё пообщаться, я думаю, ты сможешь меня найти.

Григорий улыбнулся, но улыбка вышла странной — одними губами, глаза остались холодными, изучающими, а после приготовился уходить.

— Конечно.

Максим проводил его взглядом. У выхода с палубы Григорий остановился, достал из кармана что-то синее — кажется, платок — поднёс к лицу, но тут же, словно опомнившись, скомкал и сунул обратно. Он оглянулся, проверяя, не видел ли кто, и быстро скрылся за дверью.

К полудню Максим обошёл часть корабля и познакомился со многими членами экипажа. Стоя на палубе и опиравшись на леера, он задумался о том, какого это: тонуть, в океане или жизни. От таких странных мыслей сразу стало как-то неловко и захотелось всё побыстрее забыть. С этим ему

помог отец.

— Осмотрел корабль?

— Вечности не хватит, чтоб его осмотреть.

— Ты научился хотя бы ориентироваться внутри?

— Вроде и научился, а вроде и нет, наверное.

— Тогда можешь идти домой.

— Всё? — сделал паузу, — от меня больше ничего не нужно?

— Иди уже.

ГЛАВА 3

1980 год

26 июня

четверг

Летний полдень окутывал город жарким зноем. Солнце стояло в зените, и его лучи безжалостно обжигали всё вокруг. Асфальт под ногами казался раскалённой сковородой, и даже воздух, казалось, дрожал от жары. Люди старались спрятаться от палящего солнца под тенью деревьев или в прохладе магазинов с толстыми стенами.

— Не надоело всё одно и то же? Может, что-то новое добавим?

Кивок.

Иван с интересом наблюдал за Максимом, который настроил гитару и начал медленно перебирать струны. Пробуя разные аккорды, он искал то самое, что отразило бы их настроение.

— Знаешь, а добавь чего-нибудь минорного.

Максим, не отвечая, поменял положение левой руки.

— Нет. Ты играешь правильно, но бесчувственно.

— Бесчувственно?

— Бесчувственно. Сыграй, будто это ностальгия.

— Ностальгия... странно.

— Ха, ничего странного, делай давай.

— Пф. — Максим рассмеялся. — Ностальгия по чему?

— А она обязательно должна быть по чему-то?

— А как ещё?

— Ты хочешь научиться играть красивой или нет?

— Хочу.

— Хочешь, тогда слушай, что я тебе говорю.

Максим отвёл взгляд, но начал играть более мягко и задумчиво. Мелодия, которую он нашёл, была проникновенной и слегка меланхоличной.

— Совершенно другое дело.

— Не вижу разницы.

— Говоришь, как Дима, — Иван задумался. — Это ты у него нахвтался?

— А чего ты про него вспомнил?

— Да не знаю. — Иван помолчал. — Кстати, давно его не видел.

— Я надеялся сегодня с ним встретиться.

Внезапно, в самый разгар творческого процесса, раздался голос Марии Васильевны из другой комнаты.

— Максим, ты не мог бы сходить в магазин? Нам нужно кое-что к обеду.

— Не знаю.

— А знать не нужно, а нужно сходить.

— Ладно, — недовольно протянул Максим, вставая с кровати и ероша волосы.

Юноша неспешно взял сумку, обулся, надел панаму и сел

на табурет, стоящий в коридоре.

— А деньги-то у тебя хоть есть?

— Есть.

— И откуда же?

— Папа дал.

— Да? — с удивлением сказала Мария Васильевна. — Я думала, что они у тебя в кармане не задерживаются.

— Не смешно.

— А я и не смеюсь, — улыбаясь, сказала мать.

Максим скрестил руки на груди и недовольно хмыкнул.

— Чего нужно взять?

— Молоко, хлеб и...

— И?

— И... — будто специально оттягивала мать, покручивая поварёшкой в руках.

— И?!

— Колбасу, а то она у нас каждое утро становится всё меньше и меньше.

Максим сделал вид, что не понимает, почему так происходит, молча вышел за дверь и направился в ближайший магазин.

Выйдя во двор, он подумал, что неделя чересчур жаркая, а значит скоро придут дожди — дожди сильные, возможно, даже буря. По крайней мере, надеялся на это. Так Максим шёл и думал вплоть до самого магазина.

— Здравствуйте, тётъ Галь!

— Да я ему говорю, что это не я взяла твои деньги, — говорила продавщица с покупательницей.

— А он что? — отвечала молодая женщина, прикрывая рот рукой от смеха то ли над ситуацией, то ли над продавщицей.

— А он звонит своей мамаше и жалуется, что я воровка. — говорила она с неправильным ударением и активно размахивала руками при каждом окончании предложения.

— Тётъ Галь!

— О! Максимка! Здравствуй!

— Кому Максимка, а кому Максим Викторович! — сказал он с нотой усмешки.

— Ой-ой-ой. Важный-то какой, ну вылитый батька. Максим сильнее улыбнулся.

— Чего тебе?

— Мне молока треугольного.

— Так.

— И колбасы вот этой, пожалуйста.

— Ага, как мама поживает?

— В целом, хорошо.

— Она по-другому и не может.

— Может.

— Плыть боишься?

— Я? Нет, наверное, — неожиданно глаза Максима округлились. — А откуда вы знаете, что я поплыву?

— Милый мой. Я всё знаю, — она наклонилась и посмот-

рела ему в глаза. — Может, я в КГБ работаю?

На это Максим громко рассмеялся.

— Так. С тебя 2 рубля 45 копеек.

— Держите.

— Давай беги, маме привет передавай.

— Хорошо.

— Девушка, вам чего надо-то?

— Мне...

Максим вышел из магазина и направился в пекарню. Всё было так же, как и всегда, но в этот раз что-то привлекло его внимание в магазине, хотя он сам и не понял, что это было. Мысль быстро вылетела из головы, когда юноша зашёл в пекарню и почуял запах хоть и остывшего, но свежего хлеба.

По пути домой Максим думал о том, как бы незаметно отколупнуть кусочек от булки, но в последний момент сохранял самообладание и думал, что он уже не маленький.

Во время очередной такой попытки он услышал тарахтение, приближающееся к нему.

Это был тот самый Дима, про которого они говорили. Обузов — светловолосый друг Максима, который всегда попадал в какую-то ситуацию.

— Ну привет.

— Приве... — и тут сердце Максима остановилось. — Да ладно, неужели это он?

— Да, — Дмитрий гордо опёрся рукой на предмет восхищения, злорадно улыбаясь.

— Как ты его выпросил вообще?

— А я его и не выпрашивал, — помахав пальцем, ответил Обузов.

— А откуда он? Или она у тебя?

— Заработал.

— Да кому ты рассказываешь? — Максим пихнул его в грудь

— Ну ладно. Мне бабушка давала деньги на мороженое, а ещё дедушка, а ещё тётка, и брат подарил 10 рублей, когда из Москвы приезжал.

— Вот это, конечно, мороженое... — Максим облизнулся.

— Ничего не скажешь...

— Да. Шестая.

— «Верховина»?

— Ну естественно.

— Вот это ты? Ну не ожидал. Дай сюда руку... От всей души поздравляю тебя с этой покупкой.

— Спасибо. Жалко только, что в ближайшее время на нём не покатаюсь.

— Это ещё почему?

— Скоро узнаешь.

— А ну кались!

— Скоро узнаешь, — сказал Дмитрий, похлопывая Максима по плечу.

— Ты ведь знаешь, я не буду уговаривать.

— Скоро узнаешь.

— Да чёрт с тобой.

— Да, со мной, а ещё со всеми капиталистами.

— Хотя в чем-то мы согласны.

— Да, ты вообще слышал, что они сделали?

— Что?

— Они Олимпиаду бойкотировали.

— Твари. Сами ничего не могут, а мы ещё и виноваты.

— Во-во.

Подул ветер.

— А, блин.

— Оладушек, — сказал Дима и поправил волосы Максиму, зная о его вечной проблеме.

— Вот вечно, когда руки заняты. Возьму и состригу их.

— Да успокойся ты, нормально, красиво, главное, чтоб девочкам нравилось. Только прикид бы тебе поменять.

— Мне и так нормально.

— Твоё дело... Не хочешь прокатиться?

— Хочу!

— Залазь. Тебя до дома?

— Давай до дома.

Наконец-то жара перестала чувствоваться, вместо неё в лицо дул приятный ветер, норовивший вырвать из рук Максима сумку. Но он крепко держался до самого дома.

Уже около подъезда одноклассники пожали руки и попрощались. Максим хотел подумать, о чем ему намекал Дима, но быстро забыл об этом, войдя домой, ведь сразу же после

того, как он отдал пакеты, услышал до боли знакомое: «Полы помой!» Настроение слегка испортилось, но это было не критично. Взяв швабру в руки, он ловко выдраил пол в комнате до блеска.

— Ну что, работник, закончил?

— А ты не видишь, будто?

— Хах, не вижу.

— Дразнить меня решил? Сам-то вон лежишь да на гитаре играешь. — Максим схватил бумажный самолётик, аккуратно положенный на стол, и кинул в Ивана.

— Скажешь тоже, тебя пока не было, меня тоже работать заставили. — Сказал Иван и запустил обратно в Максима.

— А я думаю, чего же тряпка так аккуратно висит. Зачем?

— Во всём должен быть порядок, как и в музыке.

— Ты музыку с грязью не сравнивай! — злобно сказал Максим. — И опять швырнул самолёт в брата.

— Давно ли ты стал так интересоваться ей. Если б не я, даже и не думал бы о ней.

— И что? Я думаю много о музыке, а ты — о себе: «Если бы не я, если бы не я.»

— Ты давай характер-то свой попридержи. Как 15 стукнуло, так будто с ума сошёл. — Иван отправил самолётик в Максима и попал между глаз.

— Да на себя посмотри, — сказал Максим, потирая переносицу.

Иван понял, что продолжать разговор бессмысленно и

ушёл, а Максим остался наедине с победными мыслями. В руках он мял самолёт, ощущая, что что-то не так, но понимая, что именно.

А ведь теперь последние дни он мог беззаботно лежать на диване, делать то, что он хотел, слушать радио, играть в футбол. Жизнь была такой беззаботной, что, казалось, скоро надоела бы, но это не случай Максима. Ему такой отдых доставлял удовольствие, ведь скоро близилось отплытие, и что-то внутри него не хотело покидать уютный семейный дом.

ГЛАВА 4

1980 год

30 июня

понедельник

Владивосток просыпался под тяжёлым одеялом утреннего тумана. Солнце вздымалось над горизонтом, словно ленивый художник, решившийся на неясные мазки. Его лучи пробивались сквозь пелену облаков, создавая мягкий свет, который окутывал город в призрачное сияние. Море отражало это приглушённое золото, и волны нежно покачивались в ритме утренней прохлады. Воздух был свеж и влажен, наполнен запахом соли и предвкушением нового дня. Всё вокруг наполнялось ощущением спокойствия и тишины, которые предшествовали бурной жизни города, готовящегося проснуться.

То утро могло быть заурядным, но этому мешало важное событие. Уже несколько часов велась активная работа в порту. Набережная наполнилась гулом от суеты гораздо сильнее, чем обычно. Ещё вчера около пристани собралось большое количество рабочих, которые сейчас трудились не покладая рук. Уже 10 часов подряд из трюма доносились звуки возни, крикательства, разговоры, ругань, и лишь иногда к ним добавлялся шум моторов.

Кузнецовы стояли на пристани. Пока Максим и Виктор

чувствовали себя прекрасно, остальные чуть ли не засыпали на ногах. Глава семейства недоумевал, как можно клевать носом, когда рядом такое сооружение; в конце концов, он считал это неуважением к кораблю.

Так считал и Максим. Глядя на силуэт, который назвать гигантским было бы преуменьшением, он поражался. На фоне только восходящего солнца корабль казался ещё новее, символичнее и красивее. Максим словно оцепенел. Он уже был на «Валианте», но этот раз казался более впечатляющим. Многие тоже оценили это зрелище: пассажиры, провожающие, зеваки, решившие увидеть отплытие, — все стояли в изумлении.

— Вот это махина, — протянул Максим, в очередной раз повернув шею и пробегая взглядом от носа до кормы.

— Скажешь тоже... — ответил Иван, встав в позу Наполеона и постукивая ногой. — Большой, но не настолько внушающий, как ты на него смотришь.

— Не занудствуй, — огрызнулся Максим.

— Максим, да не обращай ты на Ваньку внимание, он всегда такой по понедельникам, — вмешался в разговор Виктор. — Забыл, что ли?

— Пап...

— Что пап? Максим прав. Такую э... — Виктор Викторович почесал усы, которые сбрил утром. — Ну, как сказать-то цензурно? Такую громадину отбабахали, а тебе тут чё-то не нравится.

— Да всё мне нравится, — Иван говорил это с явным сарказмом, слегка посмеиваясь и мотая головой.

— Ладно, пойдёмте внутрь.

Вдалеке матросы уронили несколько ящиков.

— Что? — крикнули Иван и Максим.

— Эй! — тут же Анна стала дёргать обоих за рукава. —

Чего над ушами кричите?

— Да чего ты такая бешеная? — спросил Максим.

— Сам такой.

— Я говорю: «Пойдёмте внутрь!» — вмешался в разговор

Виктор.

— А... так бы сразу и сказал, — присоединилась к разговору Мария Васильевна.

— Так я именно так и сказал!

Шум толпы был густым и плотным, превращающим отдельные слова в сплошной радостный гул. Тысячи голосов: взволнованные возгласы детей, нетерпеливые расспросы, смех — всё это сливалось в единый приглушённый рокот, над которым лишь изредка парил пронзительный гудок какого-нибудь дальнего судна. Люди всех возрастов и слоёв общества колышущейся массой стояли у пирса, провожая взглядами белоснежного гиганта. Были здесь семьи, где отцы сажали малышей на плечи, чтобы те не упустили зрелище. В воздухе пахло морской солью, соляной и свежей краской.

Из толпы вышел высокий мужчина атлетичного телосложения с добрым, немного серьёзным издали лицом. Он вы-

глядел прилично и опрятно: рубашка, пиджак и брюки подчеркивали его широкие плечи; борода была аккуратно побрита, короткая причёска и тонкие очки придавали его образу умный вид. Подойдя к Виктору и достав пачку сигарет, он завёл разговор.

— Огоньку не найдётся? — спросил мужчина, кажется, вглядываясь прямо в душу.

— Конечно, куда же мы без огонька, — с этими словами Виктор Викторович достал из кармана коробок, чиркнул спичкой, но уронил. — Чёрт бы тебя побрал.

— Ничего страшного, обойдусь, — мужчина убрал пачку обратно. — Курение, говорят, убивает.

— Да что ты? Тебя скорее корабль убьёт, чем сигареты.

— Брось ты. Накаркаешь ещё.

— Будто делать мне больше нечего, — Кузнецов развёл руками в стороны.

— Ты как вообще сам? — мужчина посмотрел собеседнику в глаза, поправляя очки. — Вид у тебя такой, будто всю ночь бегал от унитаза до кухни.

— Чего? — Виктор Викторович на секунду замер. — Какие-то странные у тебя ассоциации.

— Ничего странного. На кухне ты сидел, потому что с неё, скорее всего, видно «Валиант», а до унитаза бегал, потому что выпил слишком много чая, или что ты там пьёшь?

— Бред!

— Значит, правда.

— Ты будто не спал сегодня, — ответил Кузнецов, начиная рассматривать синяки под глазами.

— Я? Нет. Не спал. Но я и не отрицаю.

— Вот видишь.

— Хм... — Фёдор Михайлович снял очки, протёр их и вновь нацепил на нос. — Теперь вижу.

— И откуда в тебе столько ребячества? Напомню, что сегодня отплывает... — Кузнецов обеими руками показал на корабль и, тряся ими, закричал: — Вот это отплывает.

— Если бы не это «ребячество», как ты говоришь, я бы уже повесился, пока работал над ним.

— Но можно же быть хоть немного серьёзным. Правда, Максим?

— А? Что? Да. — Максим явно такого не ожидал, потому решил отойти в сторону, чтоб его не трогали.

— Я думаю, ты его заставишь помогать в чём-то?

— Ага. Принеси да подай.

— Как знаешь, но я бы на твоём месте его не гонял.

— Это почему ещё?

— Вспомни себя в его возрасте и подумай, что у него на уме.

— Ничего страшного, не перетрудится.

— Но ты его хоть это, бери с нами развлекаться.

— К инженерам?

— Тут подумать надо, а без ста грамм не разберёшься.

— Сегодня? — Викторович оглянулся посмотреть, не

слышит ли Мария Васильевна. Увидев, что все остальные члены семьи отошли поближе к трапу, он расслабился. — Уверен?

— А почему бы и нет.

— Тогда при следующей встрече и обсудим.

— А когда следующая встреча?

— Думаю... — Виктор Викторович глянул на часы. — Часика в два.

— Хорошо, в два.

Кузнецов вновь оглянулся на семью, быстрым шагом спустился к ним, споткнулся на одной из ступеней и чуть ли не упал, но сделал вид, будто бы ничего не произошло.

— Почему так долго? — поинтересовалась Мария Васильевна с явным недовольством.

— Обсуждали с Михалычем очень важные дела.

— С Михалычем... обсуждали... дела... — она приложила палец к подбородку, затем посмотрела убийственным взглядом на мужа, будто прямо сейчас готова была перекинуть его через леера. — Пить будете, — отрезала сухим голосом.

— Что ты? Что ты? Какой пить? Мы просто хотим обговорить вопросы. Да. Вопросы. Вопросы, касающиеся корабля. Всё это время Мария Васильевна не сводила с него глаз.

— Смотри мне. Пьяным в каюту не пущу, — сказала, подходя к трапу на корабль.

— Конечно, не пустит она меня, — ответил, сблизившись

с ней.

— А ты сомневаешься? — ещё один шаг.

— Я не сомневаюсь. Я знаю, что ты добрая.

На это Мария Васильевна хмыкнула, развернулась и стала подниматься на «Валиант».

— Максим, ты знаешь, где каюта?

— Я? — Максим прикинул в голове коридоры лайнера и неуверенно ответил: — Да, знаю.

— Вот и отведи их туда, — вмешался Виктор.

— Да, пойдёмте быстрее, а то тут прохладно, — сказала Анна, потирая предплечья.

— Так правильно, утро ведь, — подметил Иван.

Кузнецовы, а именно Иван, Мария Васильевна и Анна, медленно поднимались по трапу, лишь Максим не хотел этого: он делал шаг и останавливался.

Шаг — остановка. Шаг — остановка. Шаг — остановка.

В один момент он обернулся и, глядя на сотни людей, собравшихся около корабля, сжал лямку рюкзака, а пальцами другой руки вцепился в холодный металлический поручень трапа. Снизу, из толпы провожающих, доносился чей-то смех, и Максим на мгновение замер, прислушиваясь к этому далекому звуку. Он поймал себя на мысли, что пытается запомнить его, будто прощается. Кузнецовы уже зашли внутрь, а Максим все еще стоял на ступенях, рассматривая узор сварного шва на леере. Шаг. Еще один. Он поднялся, но не почувствовал под ногами опоры — пол показался неесте-

ственно ровным после уличного асфальта.

Похожие мысли терзали и Кузнецова-старшего, однако он прогнал их прочь и, стоя перед лайнером, был озабочен лишь первым рейсом данного детища. Он восхищался им, считал его проектом всей своей жизни; в конце концов, Кузнецов хотел просто им любоваться. Но вскоре мысли затухли, как окурок, выброшенный в урну.

В это же время в фойе мать и сестра заворожённо осматривали всё пространство, что вызывало двоякие чувства: оно казалось великолепным, но этим же великолепием и давило.

— 5—30, — на мгновенье Максим замер, пытаясь вспомнить устройство корабля. — Нам туда.

— Далеко?

— Почти в самую корму, мам.

— Но это долго идти? На земле он кажется таким громадным, — Мария Васильевна отошла в сторону, пропуская какого-то мужчину.

— Через этих людей — долго, — констатировал Максим.

— Ой, где мы оказались. И кто ж только выбрал такое место?

— Кто-кто? Отец.

— А по-моему, мам, хорошее место. Там рядом лестница, которая проходит через все палубы.

— И что? — вмешался Иван.

— И то, что если подняться вверх на одну палубу, то можно выйти куда угодно: хоть к кафе, хоть к досуговым... как

же это сказать?

— Так к чему?

— К досуговым пространствам, наверное.

— Угу! — громко промычал Иван.

— Ладно, чего распинаться, первый день только. Потом разберёмся в этих лабиринтах. Давай, Максим, веди нас.

— Хорошо, мам, — сказал Максим и повернулся к Анне и Ивану. — Пойдёмте.

Несмотря на то что людей было ещё не очень-то много, юноша понимал, что в главном фойе, раскинувшемся на девять палуб (с четвёртой по шлюпочную), соединённых широкими лестницами — важнейшими «артериями» судна, будет присутствовать небольшая давка, а потому он решил повести в обход.

Кузнецовы вышли из первого помещения в коридор правого борта. Выглядел он скромнее, чем вестибюль «досуговой палубы» или чем уютные проходы пятого этажа, но всё же и третья палуба могла похвастаться некоторой красотой. Высокие стены, покрытые деревом, выкрашенным в красный и белый цвета. На них изредка висели картины и плакаты. По полу простилались югославские ковры, пошитые специально для «Валианта». С одной стороны находились двери кают, обозначенные номерами, а с другой — технические помещения и всякая всячина, на которую утром, да ещё и во время отправления, не хотелось обращать внимание, даже в случае необходимости.

В скором времени они подошли к развилке, где завернули направо, в сторону центра. Пройдя пару метров, Кузнецовы оказались в просторной комнате, где к одной стене прижались лестницы, а напротив них находились две лифтовые кабины.

— Воспользуемся подъёмником? — поинтересовался Иван.

— По правде сказать, я сомневаюсь, что он сейчас работает. Мне кажется, его включат попозже.

— Ну ладно, Максим, тебе виднее.

Поднявшись на пятую палубу, они вновь вышли в протяженный коридор. Здесь, на развилке, находилась маленькая комнатка с лавками и декоративными лампами. Вместо иллюминаторов были широкие открывающиеся окна.

— Может, остановимся ненадолго?

— Ты устала, мам? — поинтересовалась Аня.

— Нет. Просто здесь так красиво, как на даче у Криволаповых.

— Согласен. Конструкторы постарались. А ты что думаешь, Вань?

— Архитектурная пошлость, — протянул Иван.

— Что ты имеешь в виду?

— Зачем вся эта вычурность в простых коридорах корабля?

— А лучше было бы сделать покраску, как в подъезде? — с недовольством спросил Максим.

— Не преувеличивай.

Раздался звук лифта, прервавший зарождающийся спор.

— Не работает, значит? — спросили разом Иван, Анна и Мария.

— Кто ж знал, — Максим глянул в сторону лифтовой кабины, откуда вышли люди и пошли в сторону носа. — Я думал, что нет.

— Меньше думать надо тогда.

— Да ну вас, — Максим задумался. — Здесь подниматься немного, а вам не хочется. Колени болят, что ли?

Максим взял в руки чемоданы и пошёл далее по коридору. На этой палубе проходы были немного другие: пространство стало шире, на полу лежали персидские ковры, а стены стали более темными и насыщенными. Если провести рукой по дереву, то можно было почувствовать его гладкость, а если поднести к нему нос, то получалось уловить далёкий запах краски.

— 5—26..., 5—28..., 5—30. Заходим, это наша каюта.

— Ну, давай посмотрим, что там.

Максим провернул ключ в замке. Вниманию семьи предстала их квартира на ближайшие 7 дней...

Кузнецовы поселились в семейной каюте повышенного комфорта, имеющей 3 комнаты и личную ванную комнату с санузлом. В ней даже была маленькая прихожая. По центру находился зал. Его размеры были 4 на 3,5 метра. Несмотря на такие размеры, в нём умещались диван, 2 кресла, дере-

вянная стенка и средних размеров прямоугольный стол. На полу был постелен линолеум, стены были выкрашены в белый цвет, а на потолке висела люстра. Главная особенность кают повышенной комфортности — это личная лоджия, в которой находились письменный столик и ещё один стул с подлокотниками.

Анна предложила дождаться отца, а уже затем решить, как все расположатся. Мать согласилась с ней, а потому парням ничего не оставалось делать, как усесться и ждать. Максим сел ближе к лоджии и положил правую ногу на левое колено, Иван же сел ближе к проходу и отзеркалил положение брата, Мария Кузнецова уселась на диван и стала разглядывать узоры на кружевной скатерти, лежащей на столе, а Аня вышла на свежий воздух.

Минут через 10 подошёл Виктор. Не сказав ни единого слова, он разулся, взглянул из прихожей на зал, почесал усы. Немая сцена продолжилась. Пока вся семья глядела на него, Кузнецов прошёл через зал к лоджии, вышел, облокотился на перегородку и посмотрел вокруг. Он посмотрел на пейзаж, но не увидел его. Мозг будто не хотел воспринимать события. Виктору казалось, что это был сон, крайне реалистичный сон. После лоджии он вдумчиво обошёл спальни, разглядывая каждую деталь, и посетил санузел, опробовав его функции. Вернувшись в зал, он вновь почесал усы, а затем и затылок, но сказать по-прежнему ничего не мог или же не решался. Немая сцена так и продолжалась бы, но Мария ре-

шила разговорить мужа.

— И что же ты молчишь? Сказать нечего?

— А что тут можно сказать?

— Не знаю. Столько тем про корабль можно найти. Вот, расскажи поподробнее, почему корабль назвали «Валиантом».

— Это можно на вечер оставить, а пока лучше вещи разложить.

В этот раз в его голосе присутствовала некоторая напряженность, но на это обратила внимание только супруга, хоть и не сказала об этом. Ещё немного постояв, Виктор решил...

— Аня, иди в правую спальню; мальчики, вы поселяетесь в зале, а мы будем в левой спальне. Все всё поняли?

— Да! — хором ответили Кузнецовы.

— Вот! Раскладывайте вещи. То, что не лезет, несите в нашу комнату, мы уберём в шкаф. Через 15 минут встречаемся в зале, — сказал Виктор, делая после каждого предложения паузу, будто бы придумывал действия на ходу.

Все разошлись по комнатам. Максим и Иван стали раскладывать вещи, начиная с белья и заканчивая гитарой. Поначалу младший посмотрел недоумённо на старшего, на что тот ответил: «Гитара всегда пригодится в жизни, где бы ты ни был и куда бы тебя ни заносила судьба». Максим кивнул, в этот раз согласившись с его риторикой.

В скором времени вещи были разложены, и юноша вышел на лоджию. Сразу же почувствовался запах морского бриза,

послышались звуки уже проснувшегося города. Не хватало только солнца, которое сейчас освещало левый борт. Вместо этого Максим увидел большие толпы народа, собравшиеся посмотреть на отплытие гиганта. Кто-то даже помахал юноше рукой, на что он слегка помахал в ответ, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.

— Так. Все всё закончили? Если да, то подойдите в зал.

— Что дальше будем делать, пап?

— Аня, слушай, и ты всё услышишь.

— В самом деле, Вить, что нам делать до отплытия?

— Ты книгу брала? — он вытянул правую руку в её сторону, будто здоровался, а затем дёрнул ею. — Почитай. А мы с детьми можем и в города сыграть, — повернулся к сыну.

— Правда?

— Конечно.

— Вот, Максим меня понимает. Час посидим, поиграем, а потом и посмотрим, как отплывать будем.

ГЛАВА 5

Прошло 30 минут, и Виктор наконец закончил рассказывать о том, как он «бывал в Москве в 1961», а затем ошарашенно взглянул на часы.

— Выходим. Пора! — крикнул он, резко вскочив со своего места.

— Уже? — спросил Максим.

— Да, уже. Бегом, встаём! Встаём, — с этими словами он выхватил у сына ключ. — Давайте, давайте.

Кузнецовы вышли в коридор, последним каюту покинул отец. Он молча, без какого-либо намёка на конфуз, закрыл дверь и пошёл в сторону кормы, даже не окликнув остальных.

Немного отойдя от каюты, он резко завернул направо, в проём с надписью «Служебное помещение».

Войдя туда вслед за отцом, Максим услышал под ногами стук металла. Это была стальная, ничем не украшенная лестница. Виктор кивнул вверх, взялся за перила и бодрым шагом направился по ступеням. Остальные последовали за ним.

6-я палуба...

7-я палуба...

8-я палуба...

На двенадцатой палубе инженер открыл ещё одну сталь-

ную дверь. Шлюпочная площадка была переполнена народом. Люди будто прилипли к правому борту — от кормы до носа нельзя было протолкнуться. Виктор взглянул на это, немного отошёл, а затем махнул рукой.

Между дочкой и отцом завязался диалог.

— Папа, куда мы идём?

— Скоро увидишь.

— А долго идти?

— Полторы сотни метров, примерно.

— И зачем мы идём?

— Ань, я же сказал: скоро увидишь.

— Витюш, а ты не знаешь, сколько всего человек на корабле? — вмешалась Мария Васильевна.

— 2797 пассажиров и ещё 1045 членов экипажа.

— А сколько всего могло вместиться? — уточнил Максим.

— 3000 пассажиров. Ровно. — Виктор резко провёл рукой по воздуху, словно считая крошки со стола. — А ты это к чему?

— Просто интересно, — Максим не сводил глаз с борта.

— Не верю. Говори, раз начал.

— Я же сказал: чистый интерес, — каждое слово Максим говорил медленно, растягивая, сделав акцент на последнем.

— Я же вижу, что ты считаешь шлюпки.

— Да, считаю. А что? Не могу?

— Ну а зачем?

Максим хотел ответить «ради интереса», но осёкся. Он понял, что действительно считает. Считает и не может остановиться.

Он тряхнул головой, прогоняя наваждение.

— Просто интересно, наверное, — сказал он, но голос прозвучал неубедительно даже для него самого.

Отец прищурился, но ничего не сказал. А Максим поймал себя на том, что продолжает считать.

— Ха, интерес. Всё у тебя ради интереса.

— Нет, не всё.

— Всё. Абсолютно. Помнишь, как ты мяч топором разрубил в 7 лет? Тоже ведь ради интереса было.

К тому моменту они уже вплотную подошли к капитанскому мостику, куда простых пассажиров не пускали, однако Кузнецовы прошли без каких-либо трудностей. К Виктору подошёл мужчина, статный, лет 60, с длинными уже седеющими усами. Он пожал руку, кивнул головой и снова ушёл на мостик, оставив всех в недоумении, кроме Виктора Викторовича, как его и назвал мужчина.

Последние пассажиры взошли на судно, трапы на корабль были убраны, якоря — подняты со дна, а работники на суше в спешке отвязывали канаты. Пассажиры махали руками и платками, кто-то восторженно кричал. Всё это сопровождалось гудками корабля.

Виктор посмотрел на наручные часы: секундная стрелка медленно начала обходить очередной круг, подталкивая ми-

нутную, которая была в шаге от того, чтобы сдвинуть следующую. Корабль произвёл ещё один гудок, когда наступило 9 часов.

Вода за кормой начала вспениваться, и «Валиант» сдвинулся с места, сперва неохотно, но затем быстрее. Дома, пристань, деревья и люди стали отходить назад, в прошлое.

В то утро все наблюдали за этим событием с балконов, с набережных, даже на Орлином гнезде нашлись смотрящие. С борта же самого корабля всё казалось маленьким и незначительным. Но городской пейзаж продолжался недолго. Вскоре «Валиант» повернул на восток, и теперь пассажиры наблюдали мысы и сопки. Спокойные воды отражали бескрайнее небо. Береговая линия была изрезана живописными бухтами и утёсами, где деревья склонялись к воде. Местами лес отступал, уступая место песчаным пляжам.

ГЛАВА 6

«Валиант» рассекал воды залива. Город ещё можно было увидеть с кормы, но отдалённо, отчего он казался ничтожной точкой, оставшейся где-то там, куда хочется вернуться, но лишь в первое время. Люди стали понемногу расходиться, но, гуляя по шлюпочной палубе, иной раз можно было наткнуться на какую-либо интересную личность.

Впрочем, интересность эта часто была сомнительного свойства. Вот, например, старик в выцветшем кителе, который уже около получаса высматривал одну и ту же точку на горизонте; даже не город — он смотрел в одном направлении.

А у самого леера, перевесившись через поручни так сильно, что, казалось, ещё мгновение — и он упадёт в воду, стоял молодой человек. Он сосредоточенно пытался рассмотреть, как устроен кильватерный след, и делал в маленьком блокноте какие-то пометки. То был начинающий писатель, собиравший материал для романа о плаваниях, стоя в безопасной близости от берега и, тем более, от воды.

Дойдя до крайней трубы, Максим сел на лавку. Утренний туман уже рассеялся, а потому горизонт действительно был дальним, дальним и неизвестным. Мимо проходили люди... Вот куда-то спешит матрос. С другой стороны, держась за трость, выходит мужчина средних лет. Мимо них пробегают

дети: одному лет 10, а другому — 8.

Неожиданно к Максиму подсел Иван.

— И что ж ты сидишь здесь?

— Не видишь? — вскинул бровь Максим. — Наслаждаюсь утром.

— О, а ещё меня старым называешь, — он пихнул брата в плечо. — Пошли. Лучше по палубе прогуляемся.

Максим молча встал. Братья бродили сначала в одну сторону, затем — в другую; иногда они смеялись, а иногда спорили.

— И чего ты в нём нашёл? — зевая и оглядывая палубу, обратился к Максиму Иван. — Не пойму. Пароход как пароход.

— Размеры. Глянь только, какой он большой.

— Да, большой. Не спорю, — протягивал каждое слово старший, повышая тон голоса, — но это всё его отличие? Неужели в этом заключается вся гордость данного флагмана, — язвительно подметил он, — если он, конечно, таковым является?

— Если судить по твоей логике, то всё в этом мире однотипно, — повернулся к брату Максим, а затем указал пальцем за его спину. — Глянь на тех товарищей. Вон тот, с усами, сколько он метров ростом? Два? А этот просто меньше него. В этом и всё отличие?

— Пальцем не тычь, а то подумают, что мы их обсуждаем.

— Оно ведь так и есть.

— Так, да не так. Какая разница? — Иван сунул в карман руку, достал пачку сигарет и, закуривая, добавил: — Главное, чтоб ничего дурного не подумали, а всё остальное — мелочи.

— Мне б ко всему относиться так снисходительно, как ты,
— Максим опустил руки на леера.

— Так относись! В чём проблема?

— Мысли всякие в голову лезут. Ты знаешь.

— Выбрось их. Глянь вокруг: море, ветер, чайки, а мы плывём в никуда — красота. Разве нужно сейчас что-то ещё для счастья?

— Это сейчас.

— И дальше так же, — перебил его Иван. — Всё стабильно, а жизнь прекрасна.

— Что-то ты сегодня слишком весёлый.

— А ты, как обычно, киснешь, когда жизнь хороша.

— Ты уже это говорил.

— И скажу ещё раз, — Иван стал тушить сигарету пальцем. — Жизнь хороша.

— Да чего ты с ней церемонишься? — Максим выхватил окурок, швырнув за борт.

— Что ты творишь?

— Упрощаю всё.

— Ты мусоришь.

— И что с того?

— Нарушаешь порядок, а он должен быть.

— Но если это не так, то что тогда?

— Тогда сделай так, чтоб всё было так.

— Легко сказать.

— И легче сделать. Можно долго ходить, жалея себя, а можно рубануть, как с плеча.

— А можно не перепрыгивать с темы на тему, как ты?

— Вот, опять ты за своё. Немного думай, что ты говоришь.

— Я ещё придерживаю себя, а вот ты...

— А что я?

— А ты... — не смог подобрать нужных слов Максим, поэтому решил сказать иначе. — Помнишь, даже папа говорил: «Все вы одинаковые, что ты, что ты. Только и умеете, что спорить! Мы себя так с братом не вели».

В пылу спора Кузнецовы не заметили, как к ним подошёл матрос. Максим, глянув на него, сразу же опознал Григория.

— Здравствуйте, товарищи.

— И тебе не хворать.

— А вы, я так понимаю, Иван, — он сделал небольшую паузу то ли намеренно, то ли по случайности, забыв отчество, — Викторович?

— Он самый.

— Ха, вот так встреча. Давно это мы с вами не виделись. Год или больше.

— А мы с вами виделись.

— Да. Я вас откуда-то помню.

— Интересно. — Иван всматривался в его лицо, пытаясь

вспомнить этого странно улыбающегося человека.

— Гораздо интереснее ваш спор. Я подслушал его абсолютно случайно.

— Ничего в этом споре интересного нет, — наконец вмешался в разговор Максим. — Так, о пустяках, о настроении.

— О пустяках? — Иван, хмыкнув, повернулся к нему. — Сначала ты говорил о величии корабля, на котором мы плывём, а теперь — о пустяках.

— Это не спор! — раздражённо ответил Максим. — Каждый высказывает свою точку зрения, и никто не примет чужую.

— И это всё?

— Нет. Я пытаюсь Максиму объяснить, что жить надо проще, не забивая голову лишними мыслями, но держа всё в своих руках, а он слишком эмоционально на это реагирует.

— Ты мне лекции читаешь, академик. Если я слышу бред, то естественно, что он вызовет у меня какие-нибудь эмоции.

— О чём я и говорю.

— Нет.

— Да. Эмоции должны быть в меру. Если позволить себе быть ведомым только ими, можно потерять себя. Я предпочитаю оставаться на твёрдой земле, а не летать в облаках, — сказал Иван, полный уверенности в своих словах.

— Я так и не понял: спор из-за жизненной позиции или нравочений? — не выдержал Григорий.

— Из-за всего, — ответил Максим.

— Понял. Не знаю, придётся ли вам по вкусу моё мнение, но я думаю, что вы оба говорите об одном и том же, но с разных позиций.

— Спасибо, а то мы не поняли.

— А тебе, Максим, и впрямь нужно научиться сдерживать эмоции; я бы даже сказал, что тебе нужно повзрослеть.

— Это вряд ли, — одновременно ответили братья.

— Ну, — протянул Григорий, — тут дело каждого, но я бы задумался.

— Зачем засорять голову лишними мыслями, когда можно просто делать? — вновь присоединился к разговору Иван.

— Делай, и тогда получишь от жизни то, что хочешь.

— Не соглашусь. Я думаю, что тут сама судьба даёт нам выбор, который мы воспринимаем как само собой разумеющееся.

— А если не даёт? — поинтересовался Максим.

— Тогда человек считает такую ситуацию безвыходной, пока не найдет другой выбор, а дальше всё зависит от его решения.

— Бред! — решительно заявил Иван. — Выбор есть всегда.

— Но не задумывались ли вы, Иван Викторович, когда принимаете какое-то решение, почему всё сложилось именно так, почему случились такие обстоятельства, которые не зависят от вас?

— Потому что к ним привёл выбор других людей.

— Но это разве зависело от вас?

— Нет, но оно зависело от других.

— Это и есть судьба, дёргающая за ниточки.

— Это простые совпадения. Не более того. Если бы действительно судьба решала исход всего, то всё было бы несправедливо: кто-то бы выходил сухим из воды, кто-то бы страдал незаслуженно без возможности что-либо поменять.

— А разве всё справедливо?

— Не всё, но...

— Несправедливо. Задумайтесь. Просто задумайтесь.

— То есть, Григорий, ты хочешь сказать, что всё вершит судьба, которая в любом случае даст выбор, который нужно просто найти? — перехватил инициативу Максим.

— Именно так. Кроме того, — неожиданно добавил Григорий, — всё можно связать воедино и дополнить чем-либо, даже ваши с братом взгляды на жизнь.

— Это как?

— Судьба покажет.

Кузнецовы переглянулись между собой, пытаясь осмыслить всё сказанное, но, услышав хлопок двери, быстро пришли в себя — Григорий незаметно ушёл через один из служебных трапов.

— Станный он. Может, догоним?

— Не стоит, Максим, пусть идёт. Ну и бреда он наговорил.

— Да, бреда, но если задуматься, то...

— Не стоит, Максим, не стоит.

Григорий взглянул на солнце, чуть прищурившись. У него заурчал живот.

— Слушай, а ты есть не хочешь?

— Да как-то рано.

— Раз организм захотел, значит, не рано. Веди нас куда-нибудь.

— Это куда?

— Не знаю. Ты лучше разбираешься — ты и веди.

— Ну пошли.

Служебный коридор, ближе к корме.

Виталий догнал Григория у трапа, ведущего в машинное отделение.

— Гриш, ты чего с пассажирами так долго болтал? Забыл, что у нас проверка через полчаса?

Григорий не ответил. Он стоял, прислонившись к переборке, и смотрел куда-то в пустоту. В руке он машинально крутил что-то синее — платок.

— Эй, ты меня слышишь?

— А? — Григорий вздрогнул, словно очнувшись. — Да, проверка. Иду.

Виталий нахмурился и шагнул ближе.

— Что это у тебя?

Григорий быстро сунул платок в карман. Слишком быстро.

— Ничего. Пошли.

— погоди. Ты какой-то... не здесь. Опять думаешь о ней?

Григорий замер на полпути. Его спина напряглась, но он не обернулся.

— Не твоё дело, Виталя.

— Да ладно тебе. Я же вижу. Ты с того самого дня, как узнал, что она плывёт с нами, сам не свой. Может, поговоришь с ней? Объяснишь?

Григорий резко развернулся. В его глазах мелькнуло что-то, чего Виталий раньше не видел — не злость, а страх.

— Что объяснять?.. — он осёкся и провёл ладонью по лицу. — Нет. Она сама должна понять. Сама прийти. Если судьбе угодно.

— Судьба, судьба... — проворчал Виталий. — Ты бы лучше действовал, а не ждал знаков.

Григорий ничего не ответил. Он просто пошёл дальше по коридору, и Виталию показалось, что его друг сейчас не здесь, а где-то далеко, в своих мыслях, куда никому нет хода.

ГЛАВА 7

Кузнецовы быстрым шагом пошли в сторону кормы и, дойдя до конца шлюпочной палубы, завернули в помещение, где находились 2 лестницы и лифтовая шахта. Иван посмотрел на Максима, а затем — на двери подъёмника. Младший тяжело вздохнул и сказал: «Вниз ведь всего несколько палуб спускаться». Старший в это же время уже жал на кнопку. Послышался звук мотора. Этаж за этажом лифт поднимался вверх. Когда он проезжал 7-ю палубу, произошла остановка. Иван стал расхаживать вперёд — назад до тех пор, пока кабина вновь не начала двигаться к ним. Наконец двери открылись, и на палубу вышла толпа, которая чуть не сшибла парней.

— Как одичавшие. И чего их столько?

— Пообедали и пошли греться на солнышке.

— Я слышал, тут есть баня. Шли бы греться туда.

— Да, есть. Откуда знаешь?

— Матросы говорили.

Лифт остановился на 6-й палубе. Парни вышли из кабины, свернули к борту и сразу же вышли к кафе «Аврора».

— Как думаешь, её называли в честь богини или крейсера?
— спросил Максим.

— Богини? Какой богини?

— Про которую Пушкин писал.

— Не припоминаю такую.

— И этот человек пришёл в литературное кафе.

— Да, — гордо ответил Иван. — Пришёл почитать. Вдруг здесь есть то, чего в библиотеках не найти.

На входе их встретила дубовая арка с открывающимися внутрь дверьми. Сразу же в глаза бросились портреты известных мастеров: Толстого, Пушкина, Достоевского, Чехова, Маяковского и многих других. Помещение отличалось нетипичным для советской эстетики оформлением.

Освещение в кафе было мягкое и тёплое, создававшее уютную атмосферу. Настенные бра и канделябры, выполненные в дореволюционном стиле, излучали золотистый свет, который отражался в полированных поверхностях. Столики из тёмного дерева с мраморными вставками располагались так, чтобы каждый гость мог наслаждаться уединением, погружаясь в чтение или размышления.

Братья вошли неспешно, оглядываясь, примечая что-нибудь интересное, то, что могло занять. Проходя меж полок, Иван сразу же заметил Булгакова и его роман, который было невозможно найти. Произведение, которое переходило из рук в руки, лежало на открытом месте, и никто не обращал на него внимания, будто вовсе и не существовало «Мастера и Маргариты».

— Ого! — чуть ли не вскрикнул Иван. — Вот так находка. Я ж говорил, что смогу найти что-то.

— Булгаков? И давно ты стал ему так радоваться?

— Мне интересно, почему люди так жаждут прочесть эту книжонку.

— Может, потому что Булгаков — мастер?

— Ага, — скептически ответил Иван. — Ещё и книгу в честь себя назвал.

Максим ничего не ответил.

Пригладев места около окна, парни сразу же заняли их. Усевшись за стол, Иван сразу же взял в руки объект своего изучения. Книга выглядела новой и приятно пахла. Он открыл первую страницу, провёл пальцем и начал читать. Максим заметил это и бросил на него вопросительный взгляд, ожидая, пока на него обратят внимание. Иван перелистнул 5 листов, когда наконец увидел взгляд, направленный на него.

Максим смотрел, не отрывая глаз. Иван несколько секунд держал зрительный контакт, затем снова вернулся к книге, быстро пробежал глазами страницу, перевернул её и только потом решил спросить.

— Может, и тебе книгу взять, а то ты как-то скучно сидишь?

— Ты бы хоть поинтересовался, почему я так сижу.

— И почему же ты так сидишь?

— Кто-то, кажется, есть хотел. Я прав?

— Хотел, давай заказывать.

В это же время крайне удачно к ним подошла официантка.

— Добрый день, добро пожаловать в кафе «Аврора», хотите что-нибудь заказать?

— Нам только чай, — сказал Иван.

— Хорошо, как вам угодно.

— С лимоном! — уточнил Максим.

— Точно. Лимон.

Официантка ушла.

— Станный ты человек, Вань. Чаем питаешься?

— На обеде отожрусь.

— Не литературно говоришь.

— Отъемся. Иди лучше книгу возьми.

— Без тебя знаю.

Максим встал и пошёл к книжным стеллажам. Иван же вслед пробубнил: «Как интересно!» Посматривая иногда в сторону брата, который бродил среди строк романа Булгакова, Максим точно так же бродил среди бесчисленного множества книг. Наконец среди около десятка тысяч книг он, казалось, нашёл что-то интересное, однако от выбора его отвлекла девушка, пытающаяся дотянуться до верхней полки.

Её можно было принять за студентку или молодую преподавательницу, однако это было не так, но, несмотря на это, образ действительно завораживал: волны каштановых волос обрамляли светлое лицо, в глубине её широких голубых глаз, казалось, была какая-то тайна, которую не получилось бы угадать с первого или даже десятого раза, а меж тем они смотрели властным, но нежным взглядом. Губы, слегка накрашенные алой помадой, слегка изогнулись в улыбке, почти незаметной. Дополняли аккуратные черты лица пара круг-

лых крупных очков в тонной оправе.

— Не хочешь помочь?

— Я? — Максим не мог понять, как она его заметила, стоя к нему спиной.

— А здесь есть ещё люди?

— Нет, — сказал он, доставая ту самую книгу, а после буркнул себе под нос, даже не глядя: — Держи.

Когда Максим отходил, краем глаза заметил, будто она хотела его окликнуть, но решил, что ему показалось, потому неспешно вернулся на место.

— А чего без книги?

— Забыл взять.

— Забыл... — Иван неспешно перелистнул страницу, а после перевёл взгляд на Максима. — Странно ты как-то поступил.

— Ты вообще о чём?

— О той девушке. Мне кажется, она хотела с тобой поговорить. Думаешь, просто так осталась стоять там после твоей помощи?

— Тебе, наверное, показалось.

— Сомневаюсь, если честно. В конце концов, со стороны виднее.

— Ну и чёрт с ней. Захочет поговорить — найдёт повод.

— А если уже не захочет?

— Её дело.

— М-да, упустил, возможно, очень интересное знаком-

ство на этом корабле.

— Упустил. Ничего страшного.

— Не нужно отказываться от знакомств. Вот взять Григория, к примеру, — Иван отложил книгу в сторону. — Очень интересный человек.

— Особенно его советы, — Максим поднял указательный палец вверх и сказал: — «Судьба дала тебе выбор, а ты им не воспользовался».

Иван рассмеялся. В скором времени они допили чай, расплатились и пошли убирать книгу на место. Максим задумался о том, чтобы прийти сюда снова, как вдруг почувствовал похлопывание по плечу. «Кто-то смотрит на тебя. Тихо, куда поворачиваешься?» — прошептал Иван. Теперь юноша думал, как бы не пересечься взглядами, иначе все бы оказались в неловком положении, но переживал он только за себя и брата, что тогда для него было нормально. Кузнецовы посмотрели друг на друга и всё поняли. Оба обошли стеллаж с другой стороны и вышли через вход.

Как только они подошли к лифту, Иван сразу же засмеялся...

— Над чем смеёшься?

— Да вспомнил, как мы утром по лестнице шагали, когда могли поехать на подъёмнике.

— Ха-ха, — закатил глаза Максим, — ты историю ещё внукам будешь рассказывать.

— А то, ещё как буду.

— Это был не вопрос. И что ты нашёл в этом смешного?

— Да неважно. Потом поймёшь.

По пути в каюту сцена стала забываться. Молча зайдя внутрь, братья уселись в кресла, отзеркалив позы друг друга. Максим стал осматривать небо через окно: облака неспешно плыли, оставаясь где-то за кораблем, а солнце уже светило с юга, освещая все каюты правого борта, в том числе и Кузнецовых.

В комнате становилось всё жарче, отчего хотелось впасть в дрему. Зевок, а затем следующий. Глаза закрылись сами собой, и Максим провалился в сон.

Он шёл по светлому коридору Корабля; позади виднелись расплывчатые силуэты — они стояли на месте и будто поддерживали его. Проходя мимо кают, он обратил внимание на странную нумерацию.

«75, 76, 77, 78, 79», — читал он вслух.

Максим остановился. Сердце забилося чаще, хотя во сне это чувствуется иначе, будто не в груди, а где-то в висках. Он подошёл к двери под номером 80 — на ней висела табличка: «Валиант». Максим протянул руку и толкнул дверь.

За ней оказалась не каюта, а отсек, заполненный паром, за ним начинался другой коридор. Длинный, уходящий во тьму, хотя свет по-прежнему лился у него из-за спины. Максим шагнул внутрь. С каждым его шагом свет позади угасал, а мрак впереди сгущался, становился плотным, почти осязаемым. Металлический пол под ногами сменился чем-то

гладким, холодным — может быть, стеклом, а может, льдом.

В самом конце этого туннеля стояло зеркало, огромное, в полный рост, оно отражало не его. Там, по ту сторону стекла, находился Иван, а позади — некто, похожий на переживающего отца.

Иван смотрел долго, не мигая. Его губы шевельнулись, и голос прозвучал не снаружи, а прямо в голове Максима, тёплый и настойчивый:

— Максим... Максим, тебе надо проснуться. Я знаю: ты можешь это сделать. Проснись.

Пауза.

— Проснись, проснись, мы тонем!

— Что?! — закричал Максим и кубарем покатился с кресла на пол.

— Не ори так, — Иван наклонился к самому уху и прошептал, — папа услышит.

— Мы тонем? — Максим хлопал глазами, пытаясь прийти в себя.

— Да не тонем мы. Мне тебя разбудить надо было. Есть хочешь?

— Ну ты и... — не договорил.

— Э-э, папа в соседней комнате, — Иван приложил палец к губам.

— Хочу я есть, хочу, — буркнул Максим, поднимаясь с пола.

— Ну вот, сейчас обедать пойдём.

— Не шути так больше, — Максим нахмурился, отряхивая штаны.

— Ладно-ладно, — Иван уже откровенно давился смехом.

ГЛАВА 8

Семья вышла в коридор и направилась в столовую. Коридоры были подозрительно пусты, что сразу насторожило Виктора. Он шёл впереди и хмурился, гадая, куда подевалась вся публика, пока не вышел на прогулочную палубу.

Люди облепили леера бортов, глядя на море. Дети с визгом носились друг за другом между шезлонгами. На палубе №7 яблоку негде было упасть — толпа стала ещё гуще, чем утром. Из куч людей доносился гул голосов, а у кинотеатра выстроилась приличная очередь.

Виктор занервничал — с такими очередями свободного столика в столовой не видать. Но когда они вошли, оказалось, что зал полупустой. Отец облегчённо выдохнул, и семья заняла места у окна.

Максим взял себе только макароны по-флотски и стакан киселя. За это он тут же получил упрёк от отца, перед которым уже стояли тарелка борща, пюре с тремя котлетами, салат, два стакана чая и горка хлеба.

Юноша смотрел на это изобилие с плохо скрываемым недоумением. Виктор перехватил его взгляд и наставительно заговорил:

— Ты бы хоть хлеба взял. Как без хлеба-то есть? Не наешься же.

— Да что-то не хочу.

— Как это не хочу? Надо.

Братья переглянулись, но спорить не стали и направились в сторону раздачи, а сами отошли к окну. Максим уже открыл рот, чтобы обсудить планы на вечер, как вдруг к их столику кто-то подсел.

Максим обернулся и замер.

Дмитрий протянул ему руку, Максим на автомате пожал её, потом застыл с раскрытым ртом, а в следующую секунду вскочил и повис на шее у старого знакомого.

— Так это и есть причина, почему ты не покатаешься в ближайшее время? — спросил Максим.

— Как видишь, — Дмитрий развёл руками.

— А ты знал, чёрт! — Максим обернулся к Ивану и ткнул в него пальцем.

— Не... Не знал я ничего. Знал бы — сказал.

— Ага, охотно верю.

Максим довольно ухмыльнулся. Теперь круиз обещал быть не таким уж скучным. Парни увлеклись разговором и не заметили, как прикончили всё, что стояло на столе.

— Ну что, куда теперь пойдём? — Максим откинулся на спинку стула и сложил руки на животе.

— Может, снова на палубу? — Иван глянул на Дмитрия.

— Что думаешь, Дим?

— А тут больше делать особо и нечего, так что я только за.

— Не скажи, — Максим потянулся. — Тут можно...

Стул под Максимом жалобно скрипнул и с грохотом опро-

кинулся. Он грохнулся на пол, растерянно хлопая глазами.

— Ладно. Меня тоже всё устраивает, — подал он голос из-под стола.

— Вставай давай, — Иван протянул ему руку. — Или тебя до палубы на «верховине» везти?

— Сам дойду, — буркнул Максим, поднимаясь и потирая ушибленный локоть.

Парни отправились на девятую палубу, где снова разразился спор. Сначала спорили двое, затем трое, а потом уже четверо. Причиной стала грядущая Олимпиада. Мнения были совершенно разные: Иван считал, что победит СССР, Максим твердил, что нельзя быть уверенным во всём, Диме хотелось просто зрелища, а у Григория то и дело в ответах проскальзывала судьба.

Когда страсти наконец утихли, повисла пауза. Парни переглянулись, не зная, что делать дальше. Максим первым нарушил молчание — прислонился спиной к окну и стал разглядывать небо. Иван выудил из кармана мятую пачку сигарет, повертел в пальцах, но закуривать не стал — только понюхал табак и сунул обратно. Дмитрий облокотился на поручни и стал думать. Григорий стал чертить что-то на бумаге.

Мимо прошла группа отдыхающих с фотоаппаратами, громко обсуждая предстоящий ужин. Кто-то из команды протащил по палубе тележку, громяхая колёсиками.

— Хорошо здесь, — лениво протянул Дмитрий, не оборачиваясь. — Ветер, солнце... благодать.

Максим согласно хмыкнул, не меняя позы. Иван покосился на Григория, который увлечённо рисовал на листке закорючки.

— Чего чертишь? — поинтересовался Иван.

Григорий поднял голову, посмотрел рассеянно, будто не сразу понял вопрос.

— Да так, — пожал плечами. — Думаю.

— О чём? — подключился Максим, опуская голову.

— О разном. Обо всём сразу.

Иван хотел что-то сказать, но передумал. Вместо этого он подошёл к поручням, встал рядом с Дмитрием, и они устались в пол вдвоём. Максим отклеился от окна, подошёл к Григорию и присел рядом, разглядывая его художества.

— Похоже на схему, — заметил он.

Григорий вздрогнул и резко свернул листок.

— Тебе показалось.

— Да ладно тебе, — Максим попытался заглянуть через плечо. — Что там?

Григорий посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. Потом, словно приняв решение, развернул бумагу обратно.

— Видишь эти отметки? — он ткнул пальцем в какие-то цифры на полях. — Это коридоры. Служебные. Между отсеками.

Максим всмотрелся. Действительно, схема напоминала разрез корабля, но какие-то линии были обведены красным.

— И что?

— А то, — Григорий понизил голос, оглядываясь по сторонам, — что если вода попадёт сюда, — он ткнул в кормовую часть, — то переборки не помогут. Тут слабое место. Я вчера лазил по трюмам, проверял. — Он спрятал бумагу. — Но ты никому. Особенно отцу. А то начнётся паника, а я, может, ошибаюсь.

Максим удивленно вскинул брови, но расспрашивать не стал. Поднялся, отряхнул брюки и подошел к брату с Димой.

Вчетвером они стояли у окна, молча глядя на бескрайнюю водную гладь. Солнце всё ещё высоко сияло, напекая головы и нагревая корабль. Палуба постепенно пустела — народ потянулся в каюты.

— Надо бы тоже прохладное место найти, — нарушил тишину Иван.

— Успеем, — отмахнулся Максим. — Еще пять минут.

Но пять минут не дали — откуда-то сбоку раздался зычный окрик:

— Григорий, тебя где черти носят? Быстро работай!

— Иду.

— Максим, ты здесь. Помощь твоя нужна.

— Какая?

— Отца позови.

— Ладно.

Иван и Дмитрий подгоняли его, а сами решили подождать на шлюпочной палубе. Искать Виктора долго не пришлось

— он направлялся в каюту после обеда. Максим врезался в него и объяснил ситуацию. Отец сделал недовольное лицо и пошел на палубу, бормоча про себя неразборчивые ругательства. Парень же посмотрел на мать, развел руками и направился к ближайшему лифту.

Вечер, каюта...

Солнце медленно погружалось за горизонт, оставляя за собой огненный след. Облака, словно пушистые кисти, окрасились в яркие цвета, создавая причудливые узоры. Море отражало все эти краски, превращая свою поверхность в сверкающее зеркало. Легкий ветерок нежно касался кожи, принося с собой аромат соленой воды и свежести.

Максим зашел с лоджии в зал. Там сидели Иван, игравший на гитаре, и Виктор, пытавшийся настроить радио. В конце концов он бросил эту затею, посмотрел на сыновей и спросил таким привычным и знакомым тоном:

— А может, в дурака?

Тут же появились Мария и Анна.

— Так все уже в сборе! — сказал Виктор и достал карты.

Колоду раздали, козырей определили, и игра началась... Максим с самого начала остался без козырей, но каким-то образом отбивался до момента, пока Иван не заметил этого. Подмигнув так, чтоб никто не увидел, он подкинул ему крестового короля, на что Максим изобразил отчаяние. В первой игре в дураках оставили Анну, которая не смогла запомнить карты. К десятой игре лидером по количеству проиг-

рышей уже был Виктор.

— Это вам не корабли проектировать. Чистая удача.

— Выходит, пап, ты невезучий.

— Невезучий бы кинул четырех дам.

— В этом раунде тебе улыбнулась удача.

— Удача мне улыбнулась, Вань, когда обсуждалось переименование «Валианта». Бито!!!

— И почему же это?

— А потому, что по неизвестным причинам корабль хотели переименовать в «Восток», когда он был уже почти достроен.

— А я бы переименовал, а то «Валиант» да «Валиант». Что вообще это обозначает?

— Да, что это обозначает? — спросили Аня и мать в один голос.

— Вы что? Английский не знаете?

— Максим, скажи, как переводится-то?

— Доблестный.

— Вить, ну и что к чему этот перевод?

— Звучит-то как! Величественно очень.

— А какой вообще смысл в иностранном названии?

— Как какой? «Валиант» специально к Олимпиаде создавался, чтоб показать мощь советского флота. Тем более не только же в наших водах он будет ходить.

— А где еще?

— Китай, Вьетнам.

— А сейчас-то почему в Петропавловск плывем?

— Петропавловск-Камчатский. Туда плывем пробным рейсом. Да и много груза еще туда везем.

— Объясняешь ты хорошо, а вот играешь не очень.

— Это еще почему, Максим?

— А ты на свою колоду посмотри.

— Ё-моё, когда я собрать-то вот это все успел?

— Пока говорил о корабле.

— Понятно, понятно. Обхитрили-то значит батьку своего.

Суммарно сыграли сорок партий, в дураках чаще всех оставался Виктор. Время подходило к одиннадцати вечера, поэтому Аня ушла спать первой. Когда уже никто не хотел играть, отец предложил прогуляться по ночному кораблю, но желающих не нашлось, и он пошел в спальню. Следом за ним ушла Мария. Максим и Иван тоже решили, что пришло время.

Лежа в кровати, Максим не мог уснуть. Назойливые мысли не давали ему покоя.

«Уснуть не могу. Да и ладно. А если снова засну только под утро? Ничего страшного, выспавшимся быть и не нужно. Ладно, придется с самим собой разговаривать.

Так что же мне покоя не дает? Думай, Максим, думай.»

Девушка. Она явно хотела что-то сказать, а я... Что я? Сбежал. Как всегда, сбежал, спрятался за бравадой и дурацкими шутками. Да что ж ты за человек такой? Нормальные люди знакомятся, разговаривают, а ты?

Но если честно — я не умею. Совсем. Они просто берут верх, и все тут. Сказал бы кто: «Контролируй!» — десять раз сказал, сто раз, а толку? Ноль.

Стоп. А что, если это совесть? Голос внутри, который пилит и пилит? Но за что? Я ведь ничего плохого не сделал. Не убил, не украл, не предал. Так, может, это не совесть, а что-то другое?

Григорий вон все время про судьбу твердит: «Судьба подкидывает нам испытания, а мы должны их проходить». Может, он прав? Может, это оно и есть — испытание? Какое-то дурацкое, непонятное, но испытание.

Нет. Никакое это не испытание. Странно это все. Очень странно.

Сон. Этот сон с Иваном, с зеркалом. «Максим, тебе надо проснуться!» — кричал он мне. А может, и правда надо прислушаться? Иван умнее, он плохого не посоветует.

Хотя... погоди. Он в последнее время сам не свой. Ведет себя точь-в-точь как я. Для него это необычно. Очень необычно.

Девушка эта... что она хотела? Почему искала меня? Кто ответит? Иван? Он сейчас сам запутанный. Отец? Услышу в ответ: «А-а, опять какую-то хрень навыдумывали и маетесь. Что за поколение?» Дима? Нет, Дима слишком простой для таких вопросов.

Григорий.

Григорий. Он кажется мудрым. Или только притворяется.

Но это лучше, чем ничего. К нему пойду завтра. К нему и обращаюсь.

Максим уснул, Ивану же не спалось. Он лежал с открытыми глазами, глядя в потолок. Сон не шел.

Он сел, стараясь не скрипеть, и стал стучать какой-то ритм по колену, что напомнило прошедшие события.

Иван стоял в коридоре перед кабинетом начальника училища. В руках он мял приказ об отчислении из оркестра. Формулировка была обтекаемой: «в связи с реорганизацией», «сокращение состава», но он знал правду. Он знал, кто написал рапорт.

Дверь открылась. Вышел Корнеев — старшина, который с первого дня невзлюбил Ивана за «слишком вольные» аранжировки.

— Что, Кузнецов, доигрался? — Корнеев ухмыльнулся, проходя мимо. — Говорил я тебе: не высовывайся. А ты все со своей музыкой. Кому она нужна, твоя музыка? Тут тебе не филармония.

Иван ничего не ответил. Он смотрел в стену и чувствовал пустоту, перерастающую в злость.

Вечером он сидел в казарме и перебирал струны гитары. Кто-то из сослуживцев попросил сыграть что-нибудь веселое. Иван поднял глаза, посмотрел на него — и вдруг улыбнулся. Широко, почти искренне.

— Конечно, — сказал он и заиграл что-то разухабистое. Никто не заметил, что улыбки на нем не было.

Хотя ему удалось вернуться в оркестр, с того дня он решил: никто больше не увидит, что у него внутри.

Солнце уже опустилось за горизонт. Настенные лампы ярко освещали палубы корабля, создавая ощущение, что все еще был день.

Григорий обходил палубу, когда заметил ее.

Девушка стояла у борта, облокотившись на поручень, и читала. Она не заметила, как он подошел. Просто в какой-то момент почувствовала — кто-то стоит рядом. Слишком близко.

Она подняла глаза. Григорий. Он смотрел на нее — не на книгу, не на море, а прямо на нее. И в этом взгляде было что-то такое, отчего ей захотелось отступить на шаг.

— Гриша? — она попыталась улыбнуться. — Ты чего крадешься? Напугал.

— Не хотел мешать, — он улыбнулся в ответ, но улыбка вышла странной — одними губами, глаза оставались серьезными, изучающими. — Что читаешь?

— Да так, фантастику, — она показала обложку. — Про будущее. Про то, как люди будут жить через сто лет.

— Будущее... — он задумчиво посмотрел на книгу, потом снова на нее. — А ты веришь, что будущее предопределено?

Она пожала плечами. Разговор принимал странный оборот, но она привыкла к его философствованиям. Григорий всегда был... глубоким.

— Не знаю. Наверное, мы сами его строим. Своими ре-

шениями, поступками...

Он покачал головой.

— Нет. Есть вещи, которые от нас не зависят. Встречи. Расставания. Люди, которые появляются в нашей жизни... или возвращаются.

Он сделал шаг ближе. Девушка инстинктивно отступила — совсем чуть-чуть, но он заметил. В его глазах что-то мелькнуло.

— Гриш, ты какой-то странный сегодня, — она попыталась свести все к шутке. — Опять твоя судьба?

— А что, если да? — он не смеялся. — Что, если я скажу тебе, что наша встреча здесь — не случайность?

Она нахмурилась.

— С чего ты взял?

Григорий отвел взгляд — впервые за весь разговор. Он смотрел на море, на закат, на что угодно, только не на нее.

— Я чувствую, как чувствовал, — сказал он тихо. — Чувствовал, что мы встретимся. Что судьба сведет нас снова.

Он замолчал, а она не знала, что сказать.

— Я долго ждал этой встречи, Марина, — продолжил он, снова поворачиваясь к ней. — Очень долго.

Он говорил спокойно, почти монотонно, но в его голосе звенело что-то, отчего у нее по спине пробежал холодок. Слишком много.

— И теперь, когда ты здесь, — он развёл руками, — я не знаю, что сказать. Всё, что я представлял... всё исчезло.

Осталась только ты. Здесь. Рядом.

— Скажи то, что чувствуешь, — она попыталась смягчить момент улыбкой. — Мы же друзья. Мы всегда были друзьями.

Он замер.

— Друзья, — повторил он. В его голосе было разочарование — глубокое, горькое, как морская вода. — Да. Конечно. Друзья.

Он отвернулся к морю. Плечи его напряглись, руки сжали поручень.

— Гриш, я не хотела тебя обидеть, — сказала она тихо. — Правда. Ты важен для меня. Очень важен. Просто...

— Просто не так, — закончил он за неё. Голос был глухим, безжизненным. — Я понимаю.

Он не понимал.

— Я, наверное, пойду, — сказала она, чувствуя, как неловкость становится невыносимой. — Спать пора. Тебе тоже. Спокойной ночи.

Он не ответил. Даже не обернулся.

Она постояла ещё мгновение, потом развернулась и пошла прочь. Шаги её звучали слишком громко в тишине. Она не оглядывалась, но спиной чувствовала его взгляд.

ГЛАВА 9

1980 год

1 июля

вторник

— Максим, подъем!

— Да ты... надоел уже со своими подъемами.

— Тихо-тихо!

— Ты знаешь, какие эмоции бывают утром от слова «подъем»?

— Какие?

— Самые яркие и красочные.

— Ладно, не кипятись. Умывайся давай, да есть пойдем.

— Куда ты спешишь так?

— Да так, познакомить тебя кое с кем хочу.

— С кем же?

— Увидишь.

— Как же ты мне надоел со своими сюрпризами. Вот нельзя по-нормальному говорить? Нет, мы будем что-то выдумывать, чтоб брат сам догадался! — прокричал Максим.

— Умывайся давай, истеричка.

С самого утра небо затянуло тяжелыми серыми облаками, из которых начал литься мелкий дождь. Капли ровным, но частым ритмом стучали по металлическим поверхностям корабля, создавая успокаивающий шум. Море, еще вчера

спокойное и ясное, теперь отражало мрачные тени туч, а волны набухали, набегая на борта «Валианта».

Дождь был ровным и настойчивым, не утихал ни на минуту, создавая ощущение монотонности и меланхолии. На душе Максима было так же тоскливо. Что-то не давало ему покоя. В голове всплыл ночной монолог, заставив юношу дернуть плечами. Мысли снова попытались нахлынуть волной, но разбились, будто о борт корабля. Он успокаивал себя тем, что это просто предвкушение какого-то нового сюрприза от Ивана или судьбы, хоть в нее он и не верил. Это заставляло его все сильнее сжимать руку, в которой он держал щетку.

«Все, хватит этих разговоров с самим собой!» — подумал он и сплюнул остатки зубного порошка.

— Ну что? Готов на завтрак?

— Нет, надо еще волосы досушить.

— По дороге досушишь.

— Если решил меня ждать, то жди. — Максим дернулся и чуть не вырвал несколько волос.

— Да ты уже одет! — воскликнул он.

— Ну и что. Сейчас расчешусь и пойдем.

Иван злобно хихикнул и со словами «тебя не дождешься» вылетел из каюты, как пуля. Максиму ничего не оставалось, как побежать за ним. Брат скрылся из виду около лестницы. Юноша решил, что в лифт Иван вряд ли бы успел, а потому схватился за перила и стал чуть ли не перепрыгивать по четыре ступени за раз — рост позволял. На следующей палу-

бе, рядом со входом в «Аврору», он поскользнулся и сбил человека.

Максим поднялся, почесал голову и обомлел — знакомое лицо сразу же привлекло его внимание. Взгляды пересеклись, заставив оцепенеть обоих. В тот момент проскочила мысль, что лучше бы этого не происходило, но все же пришлось брать ситуацию в руки.

— Слушай, не знаю, как тебя зовут. Прости, пожалуйста, — сказал он с той же интонацией, с какой обращались к нему, и протянул руку.

— Второй раз уже помогаешь мне, Максим. Интересное совпадение.

— Еще раз прошу меня простить.

Девушка поднялась и с той же самой улыбкой сказала:

— Марина.

— Что?

— Теперь знаешь, как меня зовут.

Следом она протянула руку, что немного озадачило главного героя, но виду он не подал. Максим не представлял, о чем в такой ситуации говорить, а потому у него вырвали инициативу.

— Максим, если захочешь встретиться, ты должен знать, где меня можно найти.

— «Аврора»?

— А ты смысленый. Буду ждать тебя.

Девушка ушла, а Максим все так же стоял в оцепенении,

задумавшись, откуда она узнала его имя, пока не услышал хлопки за спиной...

— Bravo! — Иван вышел из-за угла, на ходу аплодируя.

— Я вижу, что ты услышал мой совет.

— Ты! Где ты был?

— На лифте уехал.

Максим замахнулся рукой.

— Тихо-тихо. О чем говорили-то с ней? Рассказывай.

— Мы с ней ни о чем не разговаривали! — отрезал Максим.

— Не хочешь — не говори.

— Мы не говорили. Ясно тебе?

— А чего ж не ясно? — Иван прищурился и ухмыльнулся.

— Стыдно говорить о таком.

— Черт бы тебя побрал с твоими шутками.

— О-о! — Иван театрально поднял брови. — Как же это мы заговорили? Взрослеешь?

Максим хотел огрызнуться, но вместо этого почему-то посмотрел в сторону, куда ушла Марина. Иван перехватил его взгляд и довольно хмыкнул.

— Ладно, пошли завтракать, герой-любовник. А то остынет все.

— Я тебе дам «герой-любовник»! — Максим замахнулся, но Иван уже ловко увернулся и побежал в сторону столовой.

Максим постоял еще секунду, невольно улыбнувшись чему-то, и бросился за братом, догнав его на первом повороте,

ведь тот упал.

— Лох, — сказал Максим, подавая руку.

— Сам такой.

Иван и Максим шли по просторным коридорам корабля, движущегося по беспокойным водам. Иван шёл впереди уверенной походкой, иногда оглядываясь назад, чтобы убедиться, что Максим не отстал. Его глаза светились озорством: он то и дело бросал шутки, будто пытаясь поддразнить брата. Максим, напротив, двигался медленнее, погружённый в свои мысли, шёл с раздражённым выражением лица, никак не реагируя на попытки Ивана его развеселить. Иногда он машинально приглаживал волосы, которые всё ещё были слегка влажными после поспешного утреннего туалета.

Иван все время делал вид, что спешит, ускоряя шаги и почти бегая, тогда как Максим отставал, что еще больше подогревало и без того напряженные нервы младшего брата.

— Ну чего ты плетешься? — усмехнулся Иван, в очередной раз оглянувшись.

— Что-то ты странно себя ведешь. Куда-то твоя «зрелость» пропала?

— Что ты говоришь такое? Настроение у меня хорошее. Вот и всё.

— М-да, ты мне уже с утра надоел. Хотя бы без нравоучений своих.

— Нравоучений хочешь?

— Нет! — крикнул он.

— Ну ладно.

Максим с Иваном вошли в просторную столовую девятой палубы. Вокруг царила типичная для того времени обстановка: лаконичный, но уютный интерьер, деревянные панели на стенах, украшенные морской тематикой, и небольшие столики с простыми скатертями. Через широкие иллюминаторы пробивались редкие лучи солнца, освещая беспокойную поверхность воды.

Максим взял поднос и окинул взглядом витрины. Немного подумав, он взял гречку с котлетами. Все время, пока они шли к столику, Иван глядел на него с широко раскрытыми глазами.

— А как же твоя любимая яичница?

— Не хочу.

— Да ладно, отошел от своей привычки?

— Просто не хочу.

— Не хочешь — как хочешь.

Иван доедал свою перловку, когда заметил, что Максим просто клюет носом в кашу. Посмотрев на это с минуту, он похлопал его по плечу.

— Все в порядке?

— Да. Все хорошо.

— Ты вставал в пять или в шесть утра, а сейчас засыпаешь?

— Просто спать хочется.

— Странно на тебя плаванье влияет.

— Ничего не влияет на меня, успокойся.

Дождь начал еще сильнее долбить в окна. Максим и Иван молча доедали завтрак, каждый погруженный в свои мысли. Иван, хоть и доел свою перловку первым, все равно терпеливо ждал брата, поглядывая на него искоса. Максим, несмотря на сонливость, наконец доел свою гречку и отложил вилку.

Они вышли из столовой и направились в сторону главного фойе. Коридоры корабля были тихими, лишь иногда раздавались шаги других пассажиров, шуршание одежды и приглушенные разговоры. Иван снова шел впереди, по привычке ускоряя шаг, но на этот раз без обычных поддразниваний.

В фойе было немногочленно. Несколько пожилых пар сидели в креслах, листая газеты, у стойки информации скучала девушка в форме. Иван остановился у большого плана корабля, делая вид, что изучает маршруты. Максим подошел и встал рядом.

— Чего мы сюда пришли? — спросил Максим, зевая в кулак.

— Думаю, — коротко ответил Иван.

— О чем?

— О тебе.

Максим дернул головой, прогоняя сонливость, и с подозрением уставился на брата.

— Что значит «обо мне»?

Иван повернулся к нему, и в его глазах не было привычной насмешки.

— Ты сам не свой последние дни — ты как будто не здесь.

Максим открыл рот, чтобы возразить, но Иван остановил его жестом.

— Не перебивай. Я, может, и веду себя как дурак иногда, но я не слепой. Ты ночью не спишь, днем клюешь носом, вздрагиваешь от каждого шороха. Что происходит?

Максим отвернулся и уставился в стеклянную витрину с сувенирами. Помолчал, собираясь с мыслями.

— Сам не знаю, — наконец выдавил он. — Просто... чувство какое-то. Будто что-то должно случиться. Или уже случилось, а я пропустил.

— Из-за девчонки?

— Нет. Ну, то есть и из-за нее тоже, но... не только.

Иван хотел что-то сказать, но в этот момент дверь фойе открылась, и вошел Григорий с озабоченным лицом. Увидев братьев, он слегка кивнул им и направился к выходу на палубу.

— Григорий! — окликнул его Максим неожиданно для самого себя. — Ты нас преследуешь?

Григорий остановился и обернулся. Взгляд у него был усталый, под глазами залегли тени.

— Нет. На других ты просто не обращаешь внимания.

Максим шагнул к нему, оставив Ивана позади.

— Поговорить надо. Можно?

— Давай в другой раз, — ответил моряк, отвернувшись.

«Что-то с ним не то», — подумал Максим, но расспраши-

вать не стал. Григорий же быстро исчез за поворотом.

— Ну что? Пойдём?

— Куда?

— Вниз.

— Зачем?

— Зачем? Нужно.

На шестой палубе они подошли к балкону, где стоял вымокший юноша на вид лет 20.

Это был приятный юноша, тихий, вдумчивый и немного замкнутый. Он — интроверт, предпочитающий проводить время в небольших компаниях или один, открывавшийся только близким друзьям и семье, но и с ними он был не особо склонен к глубоким эмоциональным обсуждениям.

Это худощавый человек, чуть выше среднего роста, с мягкими, немного крупноватыми чертами лица, светлой кожей и спокойными серыми глазами, которые редко смотрели прямо на собеседника. Русые, почти белые волосы, вечно спадающие на лоб, простая стрижка, очки в тонкой металлической оправе, которые он машинально поправлял при волнении, — все в его облике подчеркивало природную скромность и тягу к уединению.

— Привет, Вань. А ты? Максим?

Иван шагнул вперёд и, прежде чем ответить, привычным жестом снял с переносицы Владлена очки, протёр их о свою рубашку и протянул обратно.

— Здравствуйте, а вы, собственно говоря, кто?

— Владлен Владиславович.

— А фамилия?

— Ну зачем так официально? Я не сильно-то и старше тебя. А фамилия — Васильчин.

— Я смотрю, вы прям сдружились, — подметил Иван. — Интересно, это потому что вы оба отстранённые?

Парни повернули голову на Ивана.

— Ладно-ладно, шучу я.

— Вань, ты совсем дурак?

— А я подумал, что с тобой что-то случилось. Сейчас смотрю и вижу: все хорошо.

— Не очень-то вы дружные братья.

— Нормально все: у нас так принято. Мы всегда так разговариваем друг с другом.

— Может быть. Все может быть.

Они шли по коридору к кинотеатру, и Максим заметил, что Владлен постоянно что-то чиркает в маленьком блокноте, который доставал из кармана.

— Что ты там пишешь? — спросил Максим.

Владлен смутился и попытался спрятать блокнот, но Иван опередил его:

— Он всё записывает. Наверное, хочет стать журналистом, — съязвил Иван.

— Правда? — Максим удивился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.